

05,3

**XI ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
1907 Г.**

ПОДПИСКА

на
„Театръ и Искусство“

на годъ 7 руб., на полг. 4 руб.

(Прилож.: ежемѣсячный журн. „Библіотекa Театра и Искусства“).

Отд. **ММ** по 20 к.

Объявл.—40 к. строка пегита (въ 1/3 стран. позади текста, 50 к.—передъ текстомъ).

С.-Петербургъ. Героховая, 4.

Телеф. 1669.

Адресъ для телеграммъ:

С.-Петербургъ. Театръ Искусство.

СОДЕРЖАНІЕ

„Мѣстные отдѣлы“ Союза сценическихъ дѣятелей.—Замѣтка.—Хроника.—Письма въ редакцію.—Толпа и театръ. *А. Амфиотрова*.—Объ Ашѣ и по поводу его. *А. Лугового*.—Послѣдніе годы Моцарта. *Н. М—ва*.—Маленькая хроника.—Къ сезону въ провинціи.—По провинціи.—*Я.*—Новыя изданія „Театра и Искусства“.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: Г-жи Гзовская, Садовская, Потockая, Портреты артистки—рисунки Каульбаха, П. Руссель—пилигримъ жизни, Отеро (шаржъ) „Н. Н. Фигнеръ въ интервалѣ la и si-bemol“ (шаржъ).

Контора журнала высылаетъ немедленно всѣ новинки.

Новыя изданія „Театра и Искусства“:

„ЧОРТУШКА“, въ 4 д. *А. Амфиотрова* (на пиш. маш.). Цѣна цена, экз. 6 р.
„ВОРЬ“ (литограф.), въ 3 д. *А. Вернштейна*, перев. Потапенко ц. 2 руб.
„Пляска семи покрывалъ“, Уайльда, присп. для русской сцены, бар. Радешевской, ц. 1 р., „Очень просто“, к. въ 1 д. *В. Рышкова*, ц. 75 коп.
„Обреченные“, въ 4 д. *А. Нимайлова*. Ц. 2 р. „Братья-Помѣщики“ въ 4 д. *Л. Л. Толстого*, ц. 2 р. „Идеальный мужъ“, въ 4 д. *О. Уайльда*, перев. *О. Н. Попова*. Ц. 2 р. „Честный человѣкъ“ (новинка Малаго театра). Ц. 2 р. „Хаосъ“, „Стѣны“, „Скелетъ“.

„Жизнь человѣка“, *Л. Андреева* (цензур.) 3 р. 50 к. „Клоунъ“, *А. Куприна* (цензур.) 3 р. „Мѣсть Моріани“ (новое продолженіе „Шерлока Холмса“) въ 4 д. *Н. А. Смурягина*. Цензур. рукоп. экз.—5 р. „Въ сумеркахъ разсвѣта“ въ 4 дѣйств. *В. Гейера*. Цензур. рукоп. экз. 5 р. „9-е Термидора“ (изъ хроники французской революціи), др. въ 1 д. *М. Сукеникова* ц. 75 к. (цена. 2 р. 75 к.). „Золотыя пути“ („Золотыя оковы“) ком. въ 4 д. *Бриса*, перев. *К. Ларина* ц. 2 р.

Полныя комплекты ролей:

„Чортушка“, *А. Амфиотрова*. Цѣна 4 р. (съ пьесой 8 р., цена. 10 р.)
„Воръ“, *Вернштейна*. Цѣна 3 р. 50 к. (съ пьесой 5 р. 50 к.)
„Вогъ мести“, *Шелла Ами*. Цѣна 3 р. 50 к. (съ пьесой 9 р.)
„Братья-помѣщики“, *Л. Л. Толстого*. Цѣна 5 р. (съ пьесой 7 р., цена. 9 р.)
„Честный человѣкъ“ 4 руб. (съ пьесой 6 руб.)
„Долгъ“ 3 р. 50 к. (съ пьесой 5 р. 50 к.)
„Шерлокъ Холмсъ“, пьеса и др. экз. (6) вмѣсто ролей. . . 3 руб.

ОТКРЫТА

ПОЛУГODOВАЯ (съ 1-го іюля) ПОДПИСКА
на „ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“

(Прил.: ежемѣс. журн. Библіотекa Т. и Иск.).

Цѣна 4 руб.

Съ 1-го Января 7 руб.

Бюро переписки

на пишущихъ машинахъ открыто при
конторѣ „Театръ и Искусство“.

ПЕРЕПИСКА ПБЕСТЬ.

№ 28.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 15 ІЮЛЯ.

Новая книга НОМО NOVUS
"ПОДЪ СВНЬЮ
КОНСТИТУЦИИ".

Цена 1 руб.
поступила въ продажу.
Высылается съ наложеннымъ пла-
томомъ.
Окладъ изд.—конг. "Театра и Искусств".

Театръ „НЕМЕТИ“ садъ

Почт. отор. Зеленина ул. Телеф. 213—56.

„Новая Оперетта“ Дирекція А. В. Вилинского.

Составъ труппы въ алфав. порядкѣ: Г-жа А. А. Веретин, О. В. Востужаева, В. И. Варла-
мова, А. А. Демар, Ф. В. Калмыц, Е. Д. Лелуг, Н. И. Ладина, Ф. К. Русаканская,
О. С. Стоянова. Г-н А. В. Вилинский, М. С. Давыдов, С. А. Добротин, В. М. Майский,
С. П. Медведевъ, Н. Н. Николаевъ-Манинъ, Г. Д. Ручковский, Г. А. Овирский, Н. Г.
Ситлановъ, С. С. Стрельниковъ.

Хоръ 46 чел. * Оркестръ 28 чел. * Балетъ и. А. Чистикова.
Гл. режиссеръ С. П. Медведевъ. Гл. канцеляр. В. А. Гильдебрандтъ.

Новинки репертуара: „Японцы“ опер. Лехока, „Веселый Пансионъ“, „Современный Ва-
вилонъ“, „Зимняя любовь“, „Манера“, „Норинбергская кука“ и друг.

Въ саду на ресторанахъ-верандахъ: Больш. дивертиссементъ. Три оркестра
музыки. Первокл. ресторана, Кошкер. Удольска.

Гл. администраторъ А. Н. Шульцъ.

СНВ. Театры и садъ Городского Почетительства о народной трезвости.

Театръ Народнаго Дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Въ Воскресенье, 15-го Юля: „ФАУСТЪ“, оп.—16-го: съ уч. М. М. Клементьева и О. М.
Врагина. „ОТЕЛЛО“, оп.—17-го: Балетный спектакль арт. Имп. театровъ О. И. Преображен-
ской. „КОШЕЛІЯ“ и больш. балет. дивертис. съ уч. всего балета.—18-го: съ уч. арт.
Тифл. Казен. театр. Рязи-Нордштрёмъ. „ТРАВИАТА“, оп.—19-го: Бенефисъ солиста Его
Величества Н. Н. Фигнера „АИДА“, оп.—20-го: съ уч. Рязи-Нордштрёмъ и арт. Орлова
„ФАУСТЪ“, оп.—21-го: съ уч. арт. Клементьева и Врагина. „НЕРОНЪ“, оп.—22-го:
„ДЕМОНЪ“, оп.—25 Юля начинаются гастроли солист. Его Величества М. И. Долиной.

ТАВРИЧЕСКИЙ САДЪ и ТЕАТРЪ.

Въ Воскресенье, 15-го Юля: „КАПИРСКАЯ СТАРИНА“, др.—16-го: „ЧУДНОЕ ВИ-
ДНІЕ“, др.—17-го: „ЗА МОНАСТЫРСКОЙ СТѢНОЙ“, мелодр.—18-го въ 1-й разѣ:
„ВОРОВАШКИ“, ком.—19-го: „ЧУДНОЕ ВИДНІЕ“, др.—20-го: „СОЛОМЕННАЯ
ПЛЯСКА“, др.—21-го: „ВОРОВАШКИ“, ком.—22-го: „СВѢТИТЬ, ДА НЕ ГРѢ-
ЕТЬ“, др.—23-го: „ЛѢСНОЙ БРОДЯГА“, мейсдр.

ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ САДЪ и ТЕАТРЪ.

Въ Воскресенье, 15-го Юля: „ДИКАРКА“, ком.—19-го: „ПОСЛѢДНЯЯ ВОЛЯ“, ком.—
22-го: „ГУСЬ ЛАПЧАТЫЙ“, др.

ЕКАТЕРИНГОФСКИЙ САДЪ и ТЕАТРЪ.

Въ Воскресенье, 15-го Юля: „ВАНЬКА КЛЮЧНИКЪ“, др.—20-го: „БѢДНОСТЬ НЕ
ПОРОКЪ“, 22-го: „ВОРОВКА ДѢТЕЙ“, др.

Театръ „ФАРСЪ“ Садъ

Офицерскан, 30.

Дирекція П. В. ТУМАНОВА.

Телефонъ № 19—56.

Лѣтній сезонъ 1907 года. Веселый жанръ: фарсъ, комедія, водевилъ, обсервация, шармъ и пр.

СОСТАВЪ ТРУППЫ (въ алфавитномъ порядкѣ).

Женскій персоналъ: П. М. Андреева, М. А. Вагина, Д. М. Вадимова, В. Ф. Валентина-Минь,
М. Г. Грушицкая, С. П. Губеръ, В. В. Дмитренкова, Евдокимова, Назимова, М. П. Кузьмина,
П. Ф. Петрова, А. Ф. Ручьевская, Е. Г. Софронова, В. Г. Торока, К. И. Яковлева; мужской
персоналъ: В. А. Яковъ, В. Ю. Вадимовъ, А. П. Кальверъ, Ф. И. Кремлевскій, Н. К. Кур-
ский, Н. М. Мининъ, А. И. Невзоровъ, П. М. Николаевъ, В. М. Петина, М. И. Разсудовъ, А. П.
Ростовцевъ, Г. А. Смеляковъ, В. А. Стрельскій, М. Ф. Улихъ, М. М. Фроловскій, С. В. Юреневъ.
Главный режиссеръ В. Ю. Вадимовъ. Режиссеръ Л. А. Леонтьевъ. Пом. режиссера А. И. Нев-
зоровъ. Директоръ Г. Штейнбергеръ. Суфлеры: Г. И. Леонтьевъ и П. А. Сквозниковъ. Парик-
махеръ Г. И. Александровъ.

Репертуаръ: „Весь въ панаму“, фарсъ въ 3 д., „Дуль“, фарсъ въ 3 д., „У насъ въ
Парижѣ“, фарсъ въ 3 д., „Сурокъ“, фарсъ въ 3 д., „То да не то“, фарсъ въ 3 д.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Съ 18-го мая грандіозный чемпионатъ французской борьбы при
участіи лучшихъ борцовъ-чемпионовъ всего мира.

Театръ „БУФФЪ“ Садъ

Лѣтній сезонъ 1907 г.

РУССКАЯ ОПЕРЕТТА, ФЕЕРІЯ, ОБОЗРѢНІЕ, БАЛЕТЪ.

Составъ труппы: (Въ алфавит. порядкѣ): Г-жа Бауэръ, Бранская, Варламова, Дмит-
риева, Петрова, Сербская; Ситлова, Тамара, Шувалова, Чайковская, Звальдъ, Юрье-
вская и др.; Г-н Бранскій, Вавичъ, Гальбиновъ, Григоровскій, Наменскій, Норвеисскій,
Комевскій, Мартыненко, Мираевъ, Михайловъ, Моисеевъ, Пиронъ, Торокскій и др.
Главн. режис. А. А. Бранскій. Главн. Канцелярскій В. О. Шпаченъ.

Новинки репертуара: „Дитя базара“, „Чудный сонъ“, „Зуза и Янко“ и др. новѣйшія
оперетты.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ

П. В. Тумановъ.

ПЕРВОЕ РОССИЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

Учрежденное въ 1827 г. заключаетъ:

1. ОБЪЕДИНЕНІЕ ОТЪ ОДНИХъ:
- а) Неисплаченныхъ взносовъ болѣе 1000 руб.
- б) Денежныхъ взносовъ, внесенныхъ въ 1827 г.
- в) Страховыхъ взносовъ.
2. ОБЪЕДИНЕНІЕ КАПИТАЛОВЪ на случай смерти и на дожитіе.
- а) Страховые взносы.
- б) Страховые взносы.
3. ОБЪЕДИНЕНІЕ ОТЪ НЕУДАЧЛИВЫХЪ ОЛУЧАЕВЪ:
- а) Неисплаченныхъ взносовъ на фабрикахъ, заводахъ, горныхъ
работникахъ, въ сельскихъ и городскихъ хозяйствахъ, при всякихъ строительныхъ
работахъ, а также судовыхъ командахъ.
- б) Страховые взносы—отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, какъ въ сферѣ
служебной дѣятельности, такъ и въ личной.
- в) Страховые взносы—отъ несчастій съ поездами желѣзныхъ дорогъ и пароходами,
не возмещенныхъ полиціею.

ПРАВЛЕНІЕ: ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, МОСКВѢ, 40

Агенты во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Имперіи.

РУССКАЯ ОПЕРА

НОВЫЙ ЛѢТНІЙ ТЕАТРЪ

Басейная, 58.

Дирекція Е. Н. Кабанова и Н. Я. Яновлева.

Телеф. 19—82.

Сезонъ 1907 года.

ЕЖЕДНЕВНО ОПЕРЫ И ОПЕРЕТТЫ
въ исполненіи опернаго ансамбля

Въ теченіе сезона состоится гастроли А. М. Давыдова, Л. В. Собинкова и
Ф. И. Шаляпина.

Начало въ 8 1/2 час. вечера.

Открытая сцена—большой дивертиссементъ (новые интересные №№).

Билеты продаются въ кондитерской Ж. Воронина (Новскій 30, у Кавказ. м.) съ
11 ч. у. до 6 ч. в. и въ кассѣ театра съ 11 ч. у. до конца спектакля.

Входъ въ садъ 40 коп. съ правомъ входа въ галлерею театра.

С.-Петербургъ, 15-го июля 1907 года.

Мы получили выработанную Союзомъ сценическихъ дѣятелей подробную инструкцію относительно составленія и образованія „мѣстныхъ отдѣловъ“. „Мѣстный отдѣлъ“, по мысли комисіи, вырабатывавшей уставъ, (иниціаторомъ этой „мѣстной ячейки“ былъ предсѣдатель комисіи, А. Р. Кугель), долженъ быть основаніемъ, болѣе того—жизненной клѣточкой всего союза. Это—такъ сказать, протоплазма, ткань всего учрежденія. Авторы инструкціи стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. Ихъ демократизмъ, если можно выразиться, еще шире, еще послѣдовательнѣе, и—да простится намъ наше мнѣніе—еще менѣе считается съ условіями дѣйствительности и сценической профессіи.

„Тихіе успѣхи“ Союза сценическихъ дѣятелей, конечно, во многомъ объясняются частными причинами, между прочимъ, также грубою демагогіею нѣкоторыхъ крикуновъ, нашедшею благодарную почву и отшатнувшюю отъ новаго учрежденія наиболѣе солидныхъ и зрѣлыхъ представителей сценич. міра. Однако было бы заблужденіемъ отнести неуспѣхъ союза (за первый годъ существованія образовалось всего два мѣстныхъ отдѣла, и общее собраніе уполномоченныхъ отдѣловъ пришлось „пополнить“ (!) просто членами союза для того, чтобы состоялось годовое собраніе!) исключительно къ этимъ частнымъ причинамъ. Думается намъ, что самая мысль о „мѣстномъ отдѣлѣ“, какъ о функциональномъ органѣ союза—неправильна и утопична. Безъ сомнѣнія, комисія имѣла самыя лучшія намѣренія, но настала пора „переоцѣнить“ идею „мѣстнаго отдѣла“. Въ ней есть зерно истины, но оно далеко не обладаетъ свойствомъ „философскаго камня“, какъ полагали комисія и, въ частности, А. Р. Кугель.

Въ самомъ дѣлѣ: мѣстныя учрежденія тѣмъ и сильны, что они мѣстны, но сезонная труппа развѣ имѣетъ свойства „мѣстныхъ“, т. е. осѣдность, связь съ мѣстомъ, корни жизни? Далѣе: всѣмъ извѣстно, какъ тяжело, вообще, на подъемъ актеръ, и какъ трудно ему съорганизоваться. Что же предлагаетъ уставъ? Ежегодно организоваться, сходиться на выборы и прочее, т. е. чуть ли не два раза въ годъ заново строить! Это очень мало соответствуетъ натурѣ актера, его привычкамъ, условіямъ его дѣятельности! Но пойдемъ еще дальше. Въ чемъ, вообще, трудность союзной организаціи среди актеровъ, по сравненію съ другими профессиональными организаціями? Въ томъ, что положенія актеровъ въ высшей степени неравномѣрны. Заработокъ въ каждой профессіи представляетъ, болѣе или менѣе, величину постоянную, колеблющуюся въ ограниченныхъ рамкахъ. Слесарь, положимъ, можетъ получать на заводѣ 80 р. или 60 р. въ мѣсяцъ. Вотъ, такъ сказать, амплитуда колебаній заработка. Но актеръ, какъ и всякій артистъ, можетъ получать отъ ничтожнаго вознагражденія, котораго буквально не хватаетъ на жизнь, до громаднаго, совершенно несоизмѣрнаго съ бюджетомъ труппы, вознагражденія. Отсюда ясно, что въ одну телѣгу впрячь не можно коня и трепетную лань, Ник. Хр. Рыбакова, за которымъ антрепренеры увивались, какъ въюны, и какого нибудь Тюткина, котораго антрепренеръ держитъ на такомъ же основаніи, какъ сторожа, если не на меньшемъ, потому что сторожъ имѣетъ репутацію честности, а Тюткинъ—никакой.

„Аристократія“ есть неизбѣжная принадлежность

сценической среды. Отсюда и вся трудность демократическаго союза, уравнивающаго всѣ состоянія.

Если, благодаря этому аристократизму, вообще, трудно создать союзъ сценическихъ дѣятелей, то колыми паче труднѣе это въ „мѣстныхъ отдѣлахъ“, когда неравенство состояній еще болѣе у всѣхъ на виду, еще болѣе бьетъ въ глаза, еще ошутительнѣе для каждого! Тутъ возможны двѣ комбинаціи: или отдѣлъ сформируется изъ первачей, тогда ему не будутъ сочувствовать „маленькіе“, или онъ сформируется изъ „маленькихъ“, тогда онъ, въ глазахъ антрепренера, не будетъ имѣть значенія, а первачи будутъ обходить его съ пренебреженіемъ.

На страницахъ „Театра и Искусства“ было напечатано нѣсколько любопытныхъ писемъ, относящихся до попытокъ образованія союза малорусскихъ актеровъ. И что же? Во всѣхъ письмахъ разсказывается о томъ, что самыя циркуляры объ этомъ не только не разсылались „первачамъ“, но даже они отъ нихъ прятались, на что „первачи“ весьма обидѣлись. Оно, дѣйствительно, обидно, но, „инстинктъ“, руководившій при разсылкѣ этихъ циркуляровъ, въ основаніи былъ правильный. „Маленькіе“ инстинктивно чувствовали, что ихъ интересы—особые; что у 25 руб. въ мѣсяцъ есть свои стремленія, своя логика, свой уставъ, которыхъ нѣтъ у 500 руб.

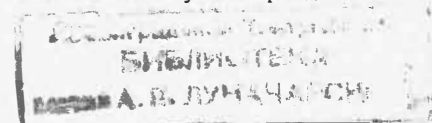
Но развѣ это явленіе свойственно только малорусскому театру? Надо думать, что оно свойственно всякому. И вотъ, именно „мѣстный отдѣлъ“ способенъ особенно обострить классовыя противорѣчія и классовое неравенство. А обостряя, онъ тѣмъ самымъ подрываетъ союзъ и обрекаетъ его на слабосиліе.

Мы видѣли на печальномъ опытѣ центральныхъ собраній въ Москвѣ, какую опасность заключаетъ въ себѣ демагогическая проповѣдь. „Настоящій актеръ“ не желаетъ признавать „молодого человѣка“ „съ тросточкой“, а „молодой человѣкъ съ тросточкой“ обрываетъ „настоящаго актера“. Въ „мѣстныхъ отдѣлахъ“, если имъ суждено быть въ числѣ, превышающемъ 2, мы будемъ свидѣтелемъ еще болѣе сильнаго раздора. Да вотъ простой вопросъ: кто созываетъ первое собраніе? Только въ томъ случаѣ, если его созываетъ лицо авторитетное, оно можетъ состояться. Ну, а если авторитетныя лица не состоятъ членами союза?

Вотъ почему мы думаемъ, что съ идеей „мѣстныхъ отдѣловъ“ комисія увлеклась, а авторы инструкціи по пути увлеченія пошли еще дальше. Зная актеровъ, можно сказать наоборотъ такъ: когда союзъ, въ центрѣ, будетъ силенъ и могущественъ,—откроются мѣстные отдѣлы. Комисія полагала наоборотъ: союзъ въ центрѣ будетъ силенъ, когда откроются мѣстные отдѣлы. Увы, это заблужденіе, и два мѣстныхъ отдѣла, открывшіеся за годъ—тому доказательство. Центральное учрежденіе союза безсильно—оттого нѣтъ и отдѣловъ.

Насъ поставили въ извѣстность, что московская театральная бібліотека М. А. Соколовой переписываетъ на пишущей машинѣ пьесу В. А. Рышкова, нашего изданія, „Склепъ“ и въ такомъ переписанномъ видѣ разсылаетъ пьесу. Что это такое? Невѣроятная наивность? Не хочется вѣрить, что г-жа Соколова сознательно совершаетъ дѣяніе, къ которому можно легко подобрать уголовную квалификацію.

Въ послѣднее время вошло въ особую моду литературное пиратство. Всяческими путями раздобы-

вается рукописный экземпляр пьесы и безъ разрѣшенія автора и издателя воспроизводить пьесу на множительныхъ аппаратахъ и спокойно распространяютъ рукописные экземпляры. Но это литературное мародерство до сихъ поръ практиковалось надъ рукописями, еще до выхода пьесы въ свѣтъ, г-жа Соколова же побилла рекордъ. Она сдѣлала въ этомъ направленіи еще одинъ шагъ впередъ и, ничто же сумняшеся, стала переписывать уже имѣющіяся въ печати пьесы чужого изданія.

Трудно представить себѣ всю степень беззащитности драматическихъ авторовъ и ихъ издателей. Область распространенія драматическихъ произведеній такъ ничтожна, что эти контрафакціи совершенно обезцѣниваютъ трудъ авторовъ и товаръ издателей. Драматическія сочиненія оцѣниваются немногимъ дорожее пареной рѣпы, и часто авторъ весьма приличной пьесы радъ-радешенекъ, когда находится издатель, готовый рискнуть расходомъ въ 100 руб. на напечатаніе пьесы.

Пора покончить съ этимъ оригинальнымъ взглядомъ на авторскую и издательскую собственность, къ чему мы и приглашаемъ уважающія себя фирмы и библіотеки. А противъ неуважающихъ можно найти рѣшительныя мѣры.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— В. В. Протопоповъ и къ предстоящему сезону заготовилъ „гвоздь“. Новая его пьеса обличительнаго характера. Въ ней разоблачаются покрытыя дымкой таинственности дѣла, о которыхъ много писалось за послѣднее время въ газетахъ. Для постановки этой пьесы въ Петербургѣ организуется специальная труппа и снимается театр „Пассажъ“. Спектакли въ „Пассажѣ“ предполагаются съ 20 августа по 1-е октября. Во главѣ дѣла стоитъ Е. А. Вѣляевъ. Ставить пьесу будетъ, по слухамъ, г. Дарскій.

— Въ Петербургѣ въ настоящее время находится одинъ изъ бывшихъ директоровъ тифлискаго казеннаго театра, С. Г. Мирзоевъ, разоблаченія котораго о дѣлахъ казеннаго театра обратили вниманіе высшаго начальства и послужили причиной отставки всей дирекціи.

— На предстоящій зимній сезонъ Е. А. Вѣляевъ снялъ рядъ городовъ: Витебскъ, Житомиръ, Ковно и Могилевъ. Предполагается 3 труппы, которыя будутъ чередоваться во время зимняго сезона. Въ настоящее время г. Вѣляевъ заканчиваетъ формированіе драмы и оперы. Въ составъ оперной труппы вошли довольно извѣстныя имена: г-жи Асланова, Эйгенъ, Карри, гг. Свѣтловъ, Евгеньевъ-Янса, Дарскій, Добрынинъ и др. Въ концѣ іюля г. Вѣляевъ предполагаетъ приступить къ формированію польск. оперетки. 4-я труппа—малороссы.

— Съѣздъ мир. судей оставилъ безъ послѣдствій жалобу В. А. Неметти по дѣлу объ авторскомъ гонорарѣ за пьесу „Привидѣнія“. Въ 1903 г. въ театрѣ г-жи Неметти шли „Привидѣнія“ въ переводѣ г. Набокова. На афишѣ же стояли имена другихъ переводчиковъ гг. Воротникова и Матерна. Союзъ драматическихъ писателей, охраняющій права г. Набокова, предъявилъ къ Неметти искъ, который и удовлетворенъ въ двухъ инстанціяхъ.

— Дѣло Союза драматическихъ писателей съ г. Адельгеймомъ (импрессарио), отказавшимся платить авторскія г. Направнику за музыку къ пьесѣ „Донъ-Жуанъ“, на дняхъ закончилось въ пользу Союза. Судъ удовлетворилъ искъ Союза въ полной мѣрѣ—450 руб.

— Предполагавшаяся къ постановкѣ этимъ лѣтомъ въ театрѣ „Буффъ“ оперетка И. Н. Потапенки „Золото“ пойдетъ лишь въ „Зимнемъ Буффѣ“.

— Изъ труппы Народнаго Дома выходитъ г-жа Погѣдина.

— По словамъ газетъ, молодой артисткой Василеостровскаго театра К. Соколовой организуется труппа для поѣздки по югу Россіи и Сѣверо-Западному краю, а потомъ по Сибири. Новый театръ называется „Піонеръ“. Режиссеромъ приглашенъ г. Гардинъ.

— М. Г. Савина уѣхала изъ Петербурга и вернется въ половинѣ августа, къ началу репетицій въ Александринскомъ театрѣ.

— Приѣхалъ директоръ Императорскихъ театровъ г. Теляковский.

— На послѣднемъ спектаклѣ въ Народномъ Домѣ опера „Тоска“ шла безъ 4 акта, неожиданно запрещеннаго цензурой.

— Поѣздка „Современнаго театра“ въ Москву съ „Богомъ мести“ оказалась неудачной. 8 іюля спектакли въ Москвѣ закончились.

— По слухамъ, съ будущаго сезона съ дачныхъ антрепренеровъ будутъ требоваться администраціей залоговъ въ обезпеченіе набираемыхъ ими труппъ.

— На 18 августа предполагается въ Москвѣ Съѣздъ уполномоченныхъ мѣстныхъ отдѣловъ Всероссийскаго Союза сценическихъ дѣятелей для разрѣшенія вопросовъ: о пополненіи состава Центральнаго Правленія, сбъ учрежденіи кассы взаимопомощи, утвержденіи Уставовъ театральнаго банка и артистическаго клуба, объ утвержденіи проекта нормальнаго товарищескаго договора для союзныхъ театральнахъ предпріятій.

Въ настоящее время предсѣдателемъ Правленія Союза состоитъ артистка М. Э. Мандшейнъ, а секретаремъ В. И. Тосина-Пеняева. Правленіе женщинъ—оригинально и любопытно.

— Новая пьеса, которую заканчиваетъ В. О. Трахтенбергъ, пишется для М. Г. Савиной и пойдетъ, конечно, на Александринскомъ театрѣ.

— Какъ намъ сообщаютъ, почти всѣ оперные предприниматели при заключеніи контрактовъ на будущій сезонъ вписываютъ какъ обязательное условіе—участіе оперныхъ артистовъ въ опереткѣ.

— И. О. Пальминъ вернулся уже изъ отпуска и вступилъ въ управленіе своихъ обязанностей.

— Шоломъ Ашъ уже вернулся изъ Палестины.

— „Театръ Рубинштейна“—такое названіе новаго опернаго товарищества, которое начнетъ дѣйствовать осенью текущего года въ залѣ консерваторіи. Названіе многообещающее.

* * *

Московскія вѣсти.

— Театръ „Олимпія“ на предстоящій зимній сезонъ снятъ меценатомъ г. Озеровымъ, который въ продолженіе всего сезона будетъ ставить исключительно произведенія Ибсена.

— Въ труппу г. Сабурова вернулся С. А. Пальмъ.

— Составъ фарса Сабурова на зимній сезонъ значительно измѣняется. Выходятъ изъ труппы г-жи Вѣковская, Добровольская, Славская и Смагина, гг. Пельцеръ возвращающійся къ Коршу, Петина и Петровъ. Приглашены г-жи Легаръ-Лейнгартъ, Миткевичъ и Мандражи.

* * *

† В. В. Аврамовъ. На дняхъ трагически погибъ молодой юноша, артистъ Василій Владиміровичъ Аврамовъ, по сценѣ Аграмовъ.

Въ дачной мѣстности, Сиверской, гдѣ въ театрѣ служилъ несчастный, случился пожаръ. Онъ въ числѣ другихъ дачниковъ спѣшилъ на мѣсто пожара, но рокъ судилъ иное. 60-ти пудовъ бочка скатилась и придавила его. Поврежденіе мочевого пузыря повлекло за собою смерть.

Бѣдный мальчикъ, бѣдный Вася!!

Я зналъ его и семью его много лѣтъ.

Онъ началъ свою дѣятельность будучи 16—17-лѣтнимъ мальчикомъ подъ моимъ режиссерствомъ и вся его маленькая артистическая карьера прошла или со мною или на моихъ глазахъ. Человѣкъ онъ былъ способный, но страшно увлекающійся собственными его возрасту посторонними дѣлами (между прочимъ прошлый годъ онъ весь отдался политикѣ) и это увлеченіе не давало ему возможности серьезно работать.

Эта спѣшка на пожаръ—было не на зрѣлище—нѣтъ: онъ спѣшилъ туда помочь—это было свойственно его натурѣ и заплатилъ за это жизнью!!

Миръ праху твоему, мой милый мальчикъ!!

Тос безпокойное сильно-бьющееся сердце теперь нашло вѣчное успокоеніе!!

В. М. Яновъ.

* * *

Лѣтніе театры.

Озерин. Наконецъ-то удалось вручить г. Инсарову повѣстку, и дѣло о высылкѣ его изъ театра 11 іюля разсматривалось у мирового судьи. Мировой судья постановилъ выслать г. Инсарова въ 7-дневный срокъ. Какъ намъ извѣстно, на это постановленіе поступилъ протестъ г. Инсарова. А покамѣстъ что въ воскресенье имъ же будетъ поставленъ спектакль съ остатками его прежней труппы. Интересно во всей этой исторіи то, что артисты лишь послѣ приговора мирового судьи узнали, что антрепренеры клуба и театра „Бельденъ и К^о“ еще за недѣлю до рѣшенія суда заключили договоръ о сдачѣ театра г. Николаеву-Соколовскому подъ оперетту, а этимъ послѣднимъ подъ драму сданъ театръ г-жѣ Глѣбовой.

Значитъ о проголодавшихся актерахъ труппы г. Инсарова нѣтъ и рѣчи, хотя повѣренный г. Бельденъ и К^о со слезами на глазахъ умолялъ судью выслать г. Инсарова, такъ какъ голодные артисты ждутъ этого справедливаго рѣшенія судьи.

Прикончилась антреприза и въ другомъ мѣстномъ театрѣ „Буффъ“. Послѣдній спектакль подъ антрепризой г. Казанскаго состоялся 7 іюля. Какъ говорятъ, антрепренеръ понесъ

убытка за 2 мѣсяца до 1.000 руб. Труппа образовала товарищество. Выбыли изъ труппы г-жи Нильская и Тургенева.

Стрѣльня. Поставленный 8 июля въ здѣшнемъ театрѣ-циклотромѣ спектакль, несмотря на дождливую погоду, собралъ полный залъ. Разыграна была комедія Лемана „Честный человѣкъ“, съ гг. Тинскимъ и Глаголинымъ въ главныхъ роляхъ. Пьеса знакома уже нашимъ читателямъ. Она шла въ зимнемъ сезонѣ въ Маломъ театрѣ въ бенефисъ г. Баратова. Г. Тинскій, игравшій честнаго человѣка, какъ и г. Баратовъ, заигривался однимъ петербургскимъ театральнымъ критикомъ. Гримомъ, манерами и походкой онъ далъ точную фотографію этого критика. Наибольшій успѣхъ имѣли гг. Тинскій и Глаголинъ (Леонъ Ларсенъ). Хороши г-жи Познанская (Браунъ), которой пришлось неожиданно замѣнить г-жу Порчинскую и играть безъ репетицій, Загорская (Ева Штернау) и г. Михайловъ (Мифельманъ), г-жѣ Арсеньевой слѣдуетъ обратить вниманіе на свои руки и лицо—нельзя вмѣсто жестовъ и мимики преподносить публикѣ гримасы и гимнастическія упражненія.

Въ общемъ „Честный человѣкъ“ прошелъ гладко. Нужно только роли заучивать лучше.

Въ заключеніе была разыграна „оперетта“ (такъ значилось въ афишѣ) „Угнетенная невинность“. Пьеса нашла хорошихъ исполнителей въ лицѣ г-жи Познанской и гг. Прохорова, Сазонова и Михайлова.

Петербургъ. Лѣтній сезонъ въ мѣстномъ театрѣ Л. В. Раева открылся 10-го іюня. Спектакли ставятся одинъ разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ. До сихъ поръ шли слѣдующія пьесы: „Пустоты“, „Среди цвѣтовъ“ и „Брачный бойкотъ“. Главныя роли исполняютъ г-жи Арнатова и Граневская, гг. Раевъ, Валентиновъ, Сергѣевъ и Пекарскій. 1-го іюля состоялся гастрольный спектакль Я. С. Тинскаго въ пьесѣ Бара „Властелинъ жизни“. Пьеса прошла гладко.

Теріоки. Г. Гардину пришла на умъ счастливая идея, создать подъ бокомъ у Петербурга художественный „свободный театр“ съ репертуаромъ самаго живого интереса. Но осуществить эту идею онъ не съумѣлъ.

Можно и должно было собрать хотя-бы и недорогую, молодую, но отнюдь не безцвѣтную, заурядную труппу.

Г. Гардинъ же всю надежду возложилъ на „сладость заприщанныхъ плодовъ“. А одного этого мало.

Быть можетъ, молодая труппа г. Гардина и онъ самъ и полны благихъ порывовъ, но на сценѣ это какая-то „безпадушная“ скучная, компанія людей, играющихъ блѣдно, плавающихъ, что называется, въ семи тонахъ, не дающихъ ясныхъ обрисовокъ характеровъ, часто нетвердыхъ въ роляхъ и произносящихъ иногда фразы, отъ чистоты рѣчи и синтаксиса которыхъ мурашки бѣгутъ по спинѣ, а автора должно передергивать.

И главное, режиссера не видно...

Публики было очень мало; лишь къ концу прибавилось, но и то „сумлѣваюсь штопъ“ это были не контрамарки.

„Ткачи“—пьеса, въ которой главное дѣйствующее лицо—пестрая рабочая толпа; вотъ гдѣ необходимо мейнингенское разучиваніе роли каждымъ „выходнымъ актеромъ“, вотъ гдѣ просторъ для костюма, грима, жеста, разнообразной манеры говорить, вотъ гдѣ необходима ровная и способная, увлекающаяся дѣломъ, если и не выдающаяся труппа.

Я видѣлъ кое-какъ одѣтыхъ и загримированныхъ, совершенно не типичныхъ, однотонныхъ людей. „нарочно“ что-то пѣвшихъ хоромъ, кричавшихъ въ унисонъ, „нарочно“ махавшихъ палками, „нарочно“ громившихъ квартиру хозяина фабриканта, что выходило совсемъ не страшно, что не передавало впечатлѣнія стихійно поднимающейся волны страданія рабочаго гнѣва и перехода этого страданія въ дикій порывъ мести и гнѣва, противъ эксплуататоровъ-хозяевъ... Пропало и самое удачное въ пьесѣ послѣднее дѣйствіе, гдѣ Гауптманъ рисуетъ трагическую развязку необузданнаго массоваго порыва, когда встрѣчаются двѣ крайности: рабочіе „старога завѣта“, смиреншіеся до полнаго непротивленія неправдѣ произволу и гнету капитала надъ трудомъ, живущіе надеждой награды только за гробомъ и рабочіе „новаго завѣта“, фанатики идеи, пошедшіе дорогой злобы и крови съ отчаянія, или увлекшіеся массовымъ психозомъ, держащіе до вѣры въ возможность насиліемъ побѣдить насиліе и однимъ общимъ взрывомъ создать рай на землѣ послѣ ада злобы, который смететъ все отжившее...

Г. Гриневъ (старый ткачъ—„непротивленецъ“—Хильце) и г. Неволинъ (легерь, бывший солдатъ, зажигающій мятежъ ткачей горячими стихами, зовущими рабочихъ встать на свою защиту)—играли недурно, но у г. Гринева было больше резонерства, чѣмъ глубокаго чувства, а г. Неволину вредитъ какое-то напряженное отчеканиваніе словъ и выговоръ горломъ и сквозь зубы.

Мѣстами игралъ ярко и сильно г. Викторъ (старый больной ткачъ Ваумертъ); жаль, что артистъ давалъ мало оттѣнковъ, окрашивая роль только чувствомъ отчаянія, затуманивая другія черты интересной фигуры. Но артистъ былъ, во всякомъ случаѣ, головой выше всѣхъ участвовавшихъ въ пьесѣ.

Названные артисты не могли, при плохомъ ансамблѣ народныхъ сценъ, даже лучшій спасти послѣдній актъ.

„Ткачей“ не было на сценѣ, не было колоритныхъ группъ, стачениковъ-рабочихъ, разбивающихъ дома хозяевъ съ войскомъ, не было переходовъ настроеній-толпы. Мы видѣли условный хоръ статистовъ изъ шаблонной оперы.

Послѣдняя сцена, — когда за кулисами идетъ трагическій финалъ стачки и разгрома на фабрикѣ, когда войско разстрѣливаетъ бунтующихъ рабочихъ, — не давала никакой иллюзіи, а выстрѣлы напоминали дѣтскія трещотки.

Г. Гардинъ въ роли кузнеца былъ скученъ, сухъ и говорилъ монотонно. Г. Вреденъ—Полевой—зеленый любитель и у него совсѣмъ пропала роль молодого Хильце.

Старшаго сына Хильце игралъ г. Маргаритовъ по дурному шаблону актеровъ новаго фасона, прививающихъ на сценѣ неврастенію въ стилѣ мейерхольдовскаго декаданса.

У женщинъ—роли второстепенныя.

Выдѣлялась старая артистка г-жа Корсакъ; привлекательны по внѣшности г-жи Дагмаръ и Лучинская; г-жа Дагмаръ играла двѣ роли; во второй — ткачихи-невѣстки Хильце, горячо упрекающей его и мужа въ раболопствѣ передъ силой, — артистка говорила горячо, но технически не владѣла скороговоркой и получалась рѣчь не колоритная.

Недурна была г-жа Пашинская.

Г. Тимиревъ, въ роли фабриканта Дрейсингера не далъ типичной двойственности образа, хорошо очерченнаго Гауптманомъ. Въ Дрейсингерѣ хищникъ—кулакъ уживается съ добродушнымъ буржуа, способнымъ подчасъ и на добрые порывы, не требующіе особаго труда, или денегъ.

Г. Маргаритовъ въ роли „Молчалина“ — экспедитора фабрики—Пфейфера, лакея предъ Дрейсингеромъ и деспота надъ рабочими,—былъ совершенно несоотвѣтеленъ. Не было ни типа, ни даже внѣшняго облика, а былъ только гримъ подъ „рыжого Августа“.

Шаржированы были и гримъ, и игра пастора—г. Пасхалова.

Гг. Галинъ, Штальинъ, Игнатьевъ и всѣ остальные содѣйствовали общему слабому ансамблю.

„Ткачи“ при хоршемъ исполненіи должны производить сильное впечатлѣніе.

Н. Тимаринъ.

Ораниенбаумскій театръ. Здѣсь, какъ и въ прошлое лѣто, антрепренерствуетъ г. Никольскій, придерживающійся гастрольной системы. За полтора мѣсяца, прошедшіе съ начала лѣтняго сезона, у него прогастролировали цѣлый рядъ артистовъ Александринскаго театра: М. П. Домашева, В. В. Стрѣльская, В. П. Далматовъ, А. П. Петровский и др. Въ зависимости отъ гастролеровъ ведется и заигранный репертуаръ, состоящій иногда изъ литературныхъ, но уже набившихъ оскомину пьесъ. Премьеры казенной сцены играютъ не только для того, чтобы заработать лишніе рубли, но и для того, чтобы лишній разъ показать себя въ излюбленныхъ роляхъ. Понятно поэтому, что художественные интересы и интересы публики вообще принимаются во вниманіе въ весьма малой степени. Ставится, конечно, затасканный репертуаръ и обставляется такъ, какъ посовѣстятся обставлять на самыхъ второстепенныхъ дачныхъ сценахъ. Да и немудрено. Антрепренеру, платящему 2—3 гастролерамъ 100—300 р. отъ спектакля надо на чемъ-нибудь отыграться, чтобы свести концы съ концами.

Въ воскресенье, 8 іюля, г. Никольскій поставилъ заигранную пьесу Шапкинскаго „Въ старые годы“, которая даже въ годы первыхъ постановокъ не имѣла особаго успѣха. Въ этой нелѣпо-скроенной мелодрамѣ, какъ гастролеры, выступили гг. В. П. Далматовъ, А. П. Петровский и В. В. Стрѣльская. Г. Далматовъ игралъ роль Рахманова. Хорошо былъ въ роли Чирикова г. Петровскій. Конечно, безъ конца смѣшила публику г-жа Стрѣльская въ роли Лукерьи. Пересела, однако, было въ изобилии. Гдѣ былъ г. Шапкинскій, а гдѣ—г-жа Стрѣльская разобрать было невозможно. Изъ неагтролеровъ была прекрасна г-жа Рошковская, которую я вижу впервые. Благодарная внѣшность, трогательный и искренній тонъ, изящество въ жестахъ и движеніяхъ довольно привлекали всѣ симпатіи къ этой артисткѣ. Какой свѣжестью, непосредственностью и красотой вѣяло отъ ея Маши. Этотъ изящный, граціозный и страдающій ребенокъ-дѣвушка приковывалъ къ себѣ вниманіе неотступно. Это—наивность, полная ума, и невинность, полная догадокъ. Мѣстами былъ довольно удаченъ г. Никольскій (Ивановъ).

Публики было достаточно. Вообще, г. Никольскій, какъ говорятъ, на дѣла пожаловаться не можетъ.

Вл. Л.—ий.

Тавричскій садъ. Послѣдняя новинка въ Таврическомъ саду—„Юла“ или „Чудное видѣніе“, пьеса польскаго писателя Жулавскаго, переводъ г. Мельникова. Это красивая, граціозная сказка, это—гимнъ любви. Пѣснь за пѣсней твердитъ о красотѣ любви, о поэзіи чувства. Принцесса съ ея чарующей любовью, съ возвышеннымъ поклоненіемъ любимому человѣку неотступно приковываетъ вниманіе зрителей. Тутъ поэзія, и нѣга, и страсть. Ея сонъ—сонъ прекрасной жизни. Принцессѣ показалось, что во снѣ она полюбила художника и ваятеля, который списалъ съ нея свое величайшее произведеніе — Мадонну. Сонъ оказался въ руку

На самомъ дѣлѣ красавица встрѣтила художника на яву, а не во снѣ. Художникъ тоже безумно любитъ принцессу и готовъ пасть ницъ передъ ней. Къ сожалѣнію придворные наговариваютъ на принцессу и обвиняютъ въ совершеніи малолѣтнихъ. Художникъ отворачивается отъ любимой женщины, разбиваетъ картину и выбрасываетъ изъ окна. Вотъ несложная, но красивая фабула пьесы польскаго писателя, впервые появившаяся на русскомъ языкѣ.

Оставлена пьеса прекрасно. Картины одна красивѣе другой. Эффектно, помпезно, ликующе и въ то же время—не рѣзко.

Роль изящной, граціозной, прекрасной, какъ солнце, принцессы—не въ средствахъ г-жи Никитиной. То же должно сказать и о г. Скарятинѣ, исполнявшемъ роль художника. Но, какъ опытные и даровитые актеры, они благополучно вышли изъ затруднительнаго положенія и сдѣлали изъ этихъ ролей все, что могли. Г-жа Никитина, г. Скарятинъ, и г. Розенъ-Санинъ, въ выдержанномъ тонѣ и съ хорошими манерами сыгравшіи роль мужа принцессы, имѣли большой успѣхъ. Z.

* * *

Народный Домъ. Въ Народномъ домѣ наряду съ вокальнымъ искусствомъ и замѣчающимся, порой, даже весьма серьезнымъ отношеніемъ къ нему, процвѣтаетъ такой жанръ, который, по моему, иначе нельзя назвать какъ „эквилибристикой“ въ области искусства. Такіе номера „эквилибристики“ взялся показывать г. Клементьевъ, въ среду 4-го іюля, выступивъ въ баритоновой партіи Онѣгина. Если-бы въ г. Клементьевѣ были даже не „истинно-русскія“, а просто русскія чувства, онъ не отнесся-бы, прямо-таки, кощунственно къ великому произведенію гениальнаго художника. Г. Клементьевъ даже не потрудился выучить партію какъ слѣдуетъ. Онъ весь вечеръ „оралъ“ и путалъ безъ конца. Ни ритма, ни одного вѣрнаго вступленія и вслѣдствіе этого, комканье лучшихъ страницъ партіи и мѣстами—пропуски цѣлыхъ фразъ (такіе пропуски были въ речитативахъ „И вотъ вамъ мнѣнѣ“, „И здѣсь мнѣ скучно“; затѣмъ въ послѣдней картинѣ при дуэтѣ съ Татьяной г. Клементьевъ пѣлъ вовсе не то, что написано въ партитурѣ). Правда, объ эффектахъ, весьма сомнительныхъ и возможныхъ лишь при полномъ „попустительствѣ“ со стороны дирижера г. Аркадьева, г. Клементьевъ не забылъ. Зная, что толпа особенно реагируетъ на высокую ноту, г. Клементьевъ въ знаменитой аріи „Увы, со мнѣнія нѣтъ“ кончилъ послѣднюю ноту на верхней октавѣ, прицѣпивъ ни къ селу ни къ городу еще одно слово „вездѣ“ и исказивъ этимъ весь смыслъ текста и музыкальной фразы. Ставлю на видъ дирижеру г. Аркадьеву, что у Сука или у Купера такіе „фокусы“ не прошли-бы. Такое „попустительство“ на обыкновенномъ языкѣ называется просто халатнымъ отношеніемъ къ искусству, вообще, и къ своимъ обязанностямъ въ частности. С. Гень.

* * *

Новая опера. 6-го іюля справляли свои „антрепнерскія“ именины гг. Яковлевъ и Кабановъ. Бенефисъ совпалъ съ 10-ти лѣтіемъ ихъ антрепнерской дѣятельности. Спектакль вышелъ очень интереснымъ. Поставили актъ изъ „Паяцевъ“ съ А. М. Давыдовымъ, актъ изъ „Искателей Жемчуга“ съ Собиновымъ, актъ изъ „Прекрасной Елены“ своими „домашними средствами“ и балетный дивертисментъ съ участіемъ гг. Павловой 2-ой, Кшесинскаго и др. Изъ пѣвцовъ лучше всѣхъ былъ г. Давыдовъ. Для обыкновеннаго глаза проходитъ почти незамѣтнымъ тотъ тонкій узоръ, который вырисовываетъ Давыдовъ на фонѣ всей картины душевной драмы паяца Каніо, начиная отъ первой до послѣдней ноты партіи. Обыкновенно восторгаются его пѣніемъ знаменитой аріи „Играть когда“, особенно финальной фразой „Смѣйся паяцъ“. Но гдѣ Давыдовъ дѣйствительно достигаетъ высоты артистическаго подъема и настоящаго драматизма—такъ это въ *cantabile* „шуткою этихъ повѣрьте мнѣ“. Вообще этотъ переходъ отъ шуткового, паясническаго тона къ настоящему гнѣву, какой долженъ проявить человѣкъ, когда задѣваютъ его „святыя святыя“—это мѣсто всегда было и будетъ подводнымъ камнемъ всѣхъ оперныхъ тензоровъ. А у Давыдова это одно изъ лучшихъ мѣстъ партіи. Вообще г. Давыдовъ—лучшій Каніо изъ всѣхъ видѣнныхъ мною.

Недду пѣла г-жа Лучезарская. Такія партіи ей не по силамъ съ ея крошечнымъ голосочкомъ.

Въ актѣ изъ „Искателей Жемчуга“ въ партіи Надира выступилъ г. Собиновъ. Г. Собиновъ спѣлъ знаменитую арію „Восторгомъ весь объятый“ красиво. Видно артистъ много потрудился надъ ней. Онъ весьма удачно филировалъ верхнія ла и сол, что опять-таки дается только усиленной работой. Совсѣмъ расхолаживали публику артисты, выступившіе въ актѣ изъ „Прекрасной Елены“. Остроты Калхаса, Аякса и Агамемнона надо было-бы провѣрить немного. Многие, что было свѣжо весною, во время думы (о бюджетѣ и проч.) теперь уже протухло и неужели не хватаетъ изобрѣтательности у г. Акимова или у присяжныхъ „обозрѣвателей-литераторовъ“ придумать что нибудь новое? Зато публика была съ лихвою вознаграждена, когда на сцену вышла г-жа Павлова 2-ая и гг. Кякштъ и Кшесинскій. *Pas de deux* были исполнены г-жей Павловой съ рѣдкой граціей и изяществомъ, также какъ

испанскій танецъ, исполненный ею и г. Кшесинскимъ. Бурю восторговъ вызвала также мазурка въ исполненіи, почти, всѣхъ участниковъ дивертисмента. Чествованіе бенефициантовъ было весьма торжественное. Были рѣчи, подношенія, пожеланія, все честь-честью, какъ полагается. Спектакль окончился около 2-хъ часовъ ночи. С. Гень.

* * *

Театръ „Фарсъ“. Во вторникъ, 10 іюля, здѣсь состоялся бенефисъ Л. Л. Пальмскаго.

Послѣ двухъ дѣйствій фарса „Рай земной“, въ которомъ райское настроеніе особенно призваны были отражать дезабилие гг. Вадимова, Юренева и Николаева, блеснувшихъ розовыми, коричневыми и полосатыми кальсонами, было поставлено обзорѣніе г-на Валентинова „И тутъ... и тамъ...“

Первый актъ его—не лишенная устройствъ устроителю на клубы новой формации. Недурна сцена объясненія администратора съ шулеромъ, сдавшимъ себѣ подрядъ двѣнадцать девяти-токъ, тогда какъ мѣстнымъ совѣтомъ старшинъ разрѣшено надергивать не больше шести рядовыхъ комплектовъ. Смѣшонъ дежурный старшина, появляющийся въ арестантскомъ халатѣ. Типичны случайно зашедшіе провинціалы, которыхъ обираютъ со всѣхъ сторонъ. Во второй части кое-что растянута и скучновато, а кое-что, если такъ можно выразиться, традиціонно до оскомины: строты о томъ, что думскіе гласные спятъ на засѣданіяхъ или о томъ, что кухарка только и мечтаетъ о своемъ кумѣ-пожарномъ.

Любопытно отмѣтить, что нѣсколько остроумныхъ и, пожалуй, даже не лишенныхъ смѣлости политическихъ карикатуръ, вроѣ союзника, получающаго инструкціи отъ „самаго“, кадета, повѣствующаго о своей поѣздкѣ „туда“ или редактора, обреченнаго сидѣть за рѣшеткой были приняты крайне вяло. Таково воспитательное значеніе фарса и борьбы..

Разыгран обзорѣніе было недурно, хотя куплеты очень часто пропадали. Типичный хохолъ-помощникъ г. Разсудовъ, веселая пара—гимназистъ и гимназистка—г. Улихъ и г-жа Торская, бойко провели роль союзника самъ авторъ. Среди остальныхъ исполнителей кое-кто, какъ напр. г-жа Евдокимова, Сафронова и г. Вѣлсвъ были просто-на-просто скучны въ своихъ, хотя и маленькихъ, но бойкихъ роляхъ.

Въ антрактѣ бенефицианту были поднесены подарки отъ труппы. На сердечное чествованіе артистовъ откликнулась и публика, скрѣпившая привѣтственное слово г-на Вадимова дружнымъ взрывомъ аплодисментовъ. П. Д.

Письма въ редакцію.

М. г. Прошу дать мѣсто моему письму въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ. Изъ театральномъ бюро за послѣдніе годы часто организуются суды чести или третейскіе для разбора недоразумѣній между актерами, но къ несчастью приходится сознаться, что между актерами находятся люди, не знакомые съ правилами чести, обязательными для всякаго честнаго человѣка.

Въ этомъ году постомъ я, артистъ Корсановъ и артистъ Путята были избраны третейскими судьями по дѣлу между артистомъ Ланскимъ и антрепнеромъ Кручиннымъ. 5-го іюля въ бюро меня встрѣтилъ Ланской и въ присутствіи юрисконсульта Т. О. сталъ кричать, что третейскій судъ рѣшилъ дѣло неправильно, что мы, судьи, поступили „*мусно*“, и что впредь онъ къ гнусному третейскому нашему суду не обратится. Какъ назвать поступокъ Ланскаго, я не знаю. Г. Ланскому должно быть неизвѣстно, что для человѣка, позволяющаго себѣ оскорблять судъ чести, есть одно названіе, а какое пусть самъ Ланской догадается, если у него хватитъ смекалки. Мы, третейскіе судьи, были добровольно избраны г-г. Ланскимъ и Кручиннымъ, мы потратили почти цѣлый день на разборъ этого дѣла и хорошую благодарность мы встрѣтили отъ Ланскаго. О томъ, что мы были добровольно избраны Ланскимъ и Кручиннымъ, свидѣлствуютъ подписи Ланскаго и Кручинина на третейской записи.

Оскорбить меня выходка Ланскаго не можетъ, но огласить эту выходку я считаю долгомъ. Интересно было-бы знать, какимъ образомъ можно оградить себя отъ такимъ выходокъ Ланскаго въ бюро. Артистъ Е. А. Петровъ-Краевскій.

Р. С. Сообщать Ланскому мотивы рѣшенія суда я не обязанъ.

М. г. Прошу помѣстить на страницахъ уважаемаго журнала Вашего мою глубокую благодарность г. Миролюбову и его труппѣ за то, что они мнѣ помогли выбраться изъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ я очутился въ гор. Сумахъ послѣ краха театра „Швейцарія“ г-жи Богдановой, брошенный на произволъ судьбы безъ копѣйки денегъ вмѣстѣ съ другими несчастными работниками. Если бы не добрые люди-артисты, пришлось бы по міру ийти. Спасибо имъ!

Театральный машинистъ Г. Д. Ларичевъ.

О. В. Гзовская (въ пьесѣ „Молодежь“).

Е. М. Садовская.

(Артистки московскаго Малаго театра).

Театръ и толпа *).

Я не буду утомлять читателя описаніемъ гладіаторскаго боя, типовъ и видовъ его, оружія и способовъ человѣческаго взаимоистребленія для удовольствія почтеннѣйшей публики. Все это описано сои атоге сотни разъ. Кто хочетъ познакомиться съ технической стороною дѣла и номенклатурою его, пусть заглянетъ въ извѣстный трудъ Фридлэндера, кто ищетъ художественныхъ впечатлѣній, тѣхъ удовлетворить Сенкевичъ. Намъ, въ данномъ случаѣ, важенъ лишь тотъ психологическій моментъ,—что на аренѣ люди убивали другъ друга, и процессъ этотъ не только не возбуждалъ состраданія или негодованія въ десяткахъ тысячъ людей, глазѣвшихъ на такое соревнованіе въ убійствѣ и смерти, но, обратно, волновалъ толпу азартомъ почти необъяснимаго, по нашимъ современнымъ понятіямъ, сочувствія. Мы имѣемъ дивную характеристику увлекательности гладіаторскаго боя въ разсказѣ блаженнаго Августина о товарищѣ его Алипіи, котораго друзья привели въ амфитеатръ насильно, такъ какъ благонравный христіанскій юноша былъ убѣжденнымъ врагомъ языческихъ зрѣлищъ.

—Ладно же,—сказалъ онъ насильникамъ,—коли вы затащили въ это поганое мѣсто мое тѣло, я не позволю тутъ присутствовать моею душѣ. Зажмурился и сидѣлъ, не бланясь зрѣніемъ. Но вдругъ громовой вопль толпы заставилъ Алипія открыть глаза,—и все было кончено для его столь слабо застрахованной души: онъ увидѣлъ поверженнаго гладіатора, льющуюся кровь, блистательный, наряд-

ный, пестрый амфитеатръ, толпу, вопящую, рукоплещущую, воющую, съ безумными отъ страсти глазами, неистовыхъ женщинъ, ошалѣвшихъ мужчинъ, и... не зажмурился уже снова. Людское стадо покорило его,—и, мгновеніемъ позже, Алипіи самъ вопилъ, рукоплескалъ, вылъ, держалъ пари, ругался при проигрышѣ, посылалъ ласкательныя слова фаворитамъ. Пьянить кровь, пьянить толпа,—особенно толпа южная, съ ея бѣшенною жестикуляціей, чуткою нервностью, быстрыми смѣнами настроеній, гримасами, яркими взорами, громкими голосами пестрыми интонаціями. Мы не можемъ создать себѣ представленія о толпѣ римскихъ зрѣлищъ по нашимъ театральнымъ заламъ,—намекъ на родственное ей возбужденіе можно найти теперь лишь въ испанскихъ бояхъ быковъ.

Полдень. Люди голодны. Болѣе благоразумные и спокойные изъ зрителей идутъ домой завтракать, но таковыхъ далеко не большинство. Приносить съ собою закуску считалось не особенно приличнымъ. Августъ увидалъ однажды, что какой-то всадникъ пьетъ вино въ циркѣ, и сдѣлалъ ему выговоръ: «когда мнѣ хочется закусить, я ухожу домой». — Да, хорошо тебѣ,—былъ отвѣтъ,—вѣдь твоего мѣста, императоръ, никто занять не посмѣетъ! Развлекаютъ этихъ неукротимыхъ игролюбцевъ прямо уже бойнею, въ которой, вдобавокъ, они любезно приглашаются принять участіе. «Тѣ самые, что утромъ побѣждали медвѣдей и львовъ, въ полдень отдаются на растерзаніе своимъ зрителямъ», говоритъ Сенека. Онъ считаетъ полуденныя игры верхомъ свирѣпости: «все, что до сихъ поръ творилось, было прямо милосердіемъ». Рѣжутъ безоружныхъ, не умѣющихъ сражаться, шутовъ, карликовъ, уродовъ. Кажется, женщины не присутствовали при этихъ кровавыхъ свинствахъ. Зато, онѣ

*) См. №№ 25, 26 и 27.

не пропускали ни одной битвы,—такого громкаго названія, конечно, заслуживали сухопутные и морскіе увеселительные бои, въ которыхъ Римъ заставлялъ сражаться предъ народомъ цѣлыя арміи обреченныхъ на смерть. Въ навмахіи Клавдія, на Фунцинскомъ озерѣ, дралось 19.000 человекъ. Сражались одни преступники, но съ храбростью настоящихъ воиновъ.

Намъ трудно представить въ государствѣ такое обиліе преступниковъ, осужденныхъ на смерть. Но, помимо общей суровости римскаго закона, это убойное человѣческое мясо значительно множилось отъ несовершенства въ судопроизводствѣ, отъ безконечно возможныхъ ошибокъ судебныхъ и, наконецъ, отъ непремѣннаго желанія «засудить» преступника, съ которымъ принимались за уголовныя дѣла судьи,—въ особенности провинціальныя, безпрестанно тревожимыя изъ столицы требованіями новыхъ и новыхъ жертвъ для игръ. Осужденные сдавались судомъ на руки устроителю игръ или антрепренеру, который отъ имени и по порученію такихъ-то и такихъ-то распорядительствовалъ празднествомъ: система, сохранившаяся въ наши дни въ благотворительныхъ спектакляхъ отъ разныхъ аристократическихъ обществъ: не желая и не умѣя возиться со сложною организацией спектакля, общества поручаютъ устройство его какому-нибудь актеру, актрисѣ или даже цѣлому театру, за извѣстную плату, оставляя въ свою пользу чистый барышъ. О послѣднемъ, конечно римскіе устроители не могли думать: зрѣлища были даровыя,—но несомнѣнно у нихъ были мастера, умѣвшіе и великолѣпнѣе блеснуть на показъ, и себя не обидѣть, и въ то же время поберечь карманъ устроителя, которому, завѣдуй онъ играми самъ, все обошлось бы гораздо дороже. Получивъ въ свое распоряженіе убойное человѣческое стадо, антрепренеру, конечно, приходилось составить программу, какъ имъ распорядиться, то есть—проще говоря—какими видами пытокъ и смерти истребить ихъ предъ очами толпы?

Публика была избалована,—ей надо было угодить и разнообразіемъ, и новизною. И вотъ создаются страшныя живыя картины: юный Икаръ летитъ по воздуху, падаетъ и разбивается о землю, брызжа кровью на одежды цезаря; Геркулесъ самосжигаетъ себя на Этнѣ; Сцевола сжигаетъ руку свою предъ цезаремъ Порсенною; Милона Кротонскаго, увязившаго руки въ расщепъ дерева, пожираетъ левъ, медвѣди съѣдаютъ распятаго на крестѣ разбойника Лавріона. Какую страшную жестокость надо было имѣть для подобной изобрѣтательности! скажетъ читатель. Да—хотя, съ другой стороны, эта профессиональная утонченность могла отлично уживаться съ личнымъ добродушіемъ и даже... чувствительностью. Когда человѣкъ живетъ тѣмъ, что долженъ угождать такъ или иначе толпѣ, нравственность его въ кругѣ этихъ понятій притупляется съ поразительною быстротою.

Въ Римѣ толпѣ угождали явленіемъ смерти, въ наши дни угождаютъ явленіемъ любви. И посмотрите, какъ не только подонки нашего зрѣлищнаго міра—кафе-штантъ и оперетка,—но и верхушки его—драма Ростана, Метерлинка изощряются, какъ бы изобразить новыя и новыя извращенія въ области этого могучаго чувства, еще не испытанныя внимающею публикою. Заботятся какъ развлекать, крайне рѣдко заботятся о томъ, чтобы не развращать. Въ Парижѣ существуютъ цѣлыя академіи для воспитанія шансонетныхъ пѣвицъ и куплетистовъ; «директора» этихъ учреждений занимаются какъ разъ тѣмъ же ремесломъ, что антрепренеры римскихъ игръ;

какъ тѣ придумывали «весело умирать» на сотни ладовъ, такъ эти измышляютъ для своихъ ученицъ, какую бы новую развратную мерзость подпустить въ ихъ репертуаръ—словомъ, жестомъ, гримасою, костюмомъ и т. д. Василий Ивановичъ Немировичъ-Данченко описалъ подобныя академіи въ одномъ своемъ очеркѣ: сказанные «директора» — вовсе не чудовища порока какія-нибудь, а напротивъ, препочтенныя буржуа, отличные семьянины, въ строгости воспитывающіе чадъ своихъ, и пылкіе патриоты, съ идеаломъ *légion d'honneur* въ петлицѣ. А припомните очерки Галеви изъ жизни парижскаго закулиснаго мірка,—«Мадамъ Людовикъ», напримѣръ...

Трудно вообразить способъ смерти, котораго римлянинъ не видалъ бы на аренѣ десятки разъ. Отъ ранней юности до поздней старости зрѣлища учили его, что жизнь—ничто, самый важный мигъ въ ней—смерть, а мужество безтрепетно встрѣтить этотъ мигъ—величайшее достоинство и прекраснѣйшая картина, какую только можетъ представить человѣкъ человеку. Мужество умирать и мужество убивать—вотъ что требуетъ отъ зрѣлищъ своихъ римская публика. Когда гладиаторъ неохотно идетъ на мечъ противника или пронзаетъ товарища, ему свистуть за недостаточно яркую картину убійства,—совершенно по тѣмъ же побужденіямъ, какъ опереточная публика негодуетъ и шикаетъ, когда какая-нибудь прекрасная Елена, изъ робкихъ дебютантокъ, проявитъ недостаточно безстыдства въ сценѣ сновидѣнія. И гладиаторы учились умирать такими безтрепетными молодцами, что даже философы ставили ихъ въ образецъ доблести. Вотъ описаніе Цицерона: «Какихъ страданій не переносятъ гладиаторы—а, вѣдь, они люди потерянные или варвары. Постоянно заняты они желаніемъ понравиться своему господину или народу. Покрытые ранами, они спрашиваютъ, не угодно-ли мучить ихъ какъ-нибудь; если хозяинъ доволенъ, то имъ остается только умереть. Виданное-ли дѣло, чтобы гладиаторъ, даже посредственный, измѣнялся въ лицѣ, стоналъ, проявилъ слабость духа не только въ бою, но даже пораженный? чтобы поверженный на землю и обреченный смерти, онъ устранилъ мечъ отъ своего горла? Краткій, энергическій образъ Сенеки еще ярче: «Вотъ онъ (побѣжденный гладиаторъ) самъ подставляетъ горло своему противнику и собственными руками втыкаетъ въ себя мечъ, дрогнувшій въ рукѣ побѣдителя». Весьма часто встрѣчая у авторовъ латинскихъ рѣзкія порицанія другимъ римскимъ зрѣлищамъ, мы почти не знаемъ среди нихъ противниковъ гладиаторскимъ боямъ и, вообще, играмъ амфитеатра. Наоборотъ, мягкій, человѣколюбивый, совѣстливый Плиній Младшій ставитъ Траяну—императору тоже не изъ кровожадныхъ—въ особую заслугу, что онъ угощалъ римскій народъ этими страшными боями. «Въ битвахъ гладиаторовъ,—объясняетъ онъ,—ничто не будитъ въ человѣкѣ слабости и малодушія, въ нихъ нѣтъ началъ, смягчающихъ и разслабляющихъ умы; совѣмъ напротивъ: зрѣлище это всецѣло направлено къ тому, чтобы возбудить въ насъ презрѣніе къ смерти и желаніе почетныхъ ранъ. Мы убѣдились, что даже рабы и преступники одушевляются любовью къ славѣ и желаніемъ побѣды». Презрѣніе къ смерти и прямолинейное мужество—силы, которымъ мы, послѣ XVI вѣковъ торжества началъ христіанскихъ, все же склонны отдавать почтенія больше, чѣмъ послѣднія позволяютъ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ: мужество красиво и мужество необходимо, пока не истребилась на свѣтѣ война, мечи не перекованы на плуги и всѣ царства не уподобились блаженной странѣ Ивана-Дурака, описанной Львомъ Николае-

вичемъ Толстымъ. Но чрезмѣрные восторги къ мужеству, развитіе въ народѣ вкусовъ къ физической силѣ, восхищеніе равнодушіемъ къ жизни своей и ближняго—опасная угроза вѣку, первый показатель психическаго заболѣванія толпы, отражающійся въ частномъ ея быту весьма печальными послѣдствіями. Одно изъ нихъ—смѣшеніе нравственныхъ понятій: безчувственная холодность, жестокость характера, даже злость принимаются за силу духа, за которую-де можно извинить человѣку какіе угодно его недостатки и даже прославлять ихъ, какъ особая, непонятныя простымъ смертнымъ, достоинства. На женщинъ подобныя общественныя настроенія вліяютъ съ особенною пагубностью. XIX вѣкъ принесъ въ своей романтической литературѣ моду на такъ называемый демонизмъ, красною нитью проходящій черезъ всѣ вѣянія европейской поэзіи, начиная съ титаническихъ воплей Байрона и кончая себялюбивыми кривляньями декадентовъ. Любопытно, что оправданіе демоническаго безсердечія, обожествленіе эгоизма идетъ у нашихъ поэтовъ и романистовъ всегда въ соотвѣтствіи съ поклоненіемъ тѣлесной силѣ, ловкости и безстрашію. Лучшій примѣръ тому — Лермонтовскій Печоринъ, первый герой того нравственнаго озвѣренія, катаясь по наклонной плоскости котораго высоко

образованный, ученый вѣкъ нашъ, полный великихъ людей и великихъ открытій, дошелъ, однако, мало-помалу почти до той же духовной пустоты и самопрезрительнаго отчаянія, что и первый вѣкъ христіанскаго лѣтосчисленія въ высоко образованномъ, ученомъ, полномъ великихъ людей и великихъ дѣяній городѣ Римѣ. Когда женщины видятъ идеалъ свой въ оперной Карменъ, а мужчины заучиваютъ наизусть свирѣпыя афоризмы Ницше,—дѣло плохо. Вглядываясь въ теченіе событій, идей, воззрѣній и убѣжденій, иной разъ невольно смущаешься мыслью: круговоротъ вѣковъ свершился, и человѣчество вновь медленно, но неуклонно движется къ старымъ вратамъ языческаго міросозерцанія.

Страхъ смерти — христіанское начало. «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть» — гласитъ христіанское пѣснопѣіе. Въ чудномъ сонетѣ «Голосъ изъ могилы на Аппіевой дорогѣ» итальянскій поэтъ Лоренцо Стекетти прекрасно противопоставляетъ отно-

шеніе къ смерти сына христіанской культуры воззрѣнію язычника-римлянина, говоря отъ лица послѣдняго: «съ улыбкою на устахъ умираю я—ты умрешь, рыдая... tu morrai piangente!» И, чѣмъ слабѣе въ душѣ человѣка христіанскія представленія, тѣмъ тѣснѣе сдружается онъ съ царствомъ смерти, гдѣ римлянинъ чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ. Безобразно частыя самоубійства изъ отвращенія къ жизни и мрачныя свирѣпости анархіи, омрачившія конецъ XIX вѣка, — явленія по бездушію своему

стоющія гладиаторства, съ его безплодною энергіей, равно готовою и на смерть, и на убійство. И конецъ вѣка, въ которомъ совершился рядъ этихъ безбожныхъ ужасовъ, ознаменованъ явнымъ возрожденіемъ любви къ смерти, проповѣдью небытія, и въ литературѣ, и въ зрѣлищахъ, и въ общественныхъ развлеченіяхъ. Когда впервые узналъ о громадномъ успѣхѣ парижскаго «Кабачка Смерти», нынѣ уже столь устарѣлаго и опошленнаго, что никому ненужнаго, мнѣ живо припомнились несчастія одной заѣзжей египетской труппы въ Римѣ, которая спаслась лишь тѣмъ, что стала представлять тайны царства мертвыхъ по рисункамъ съ пирамидъ. Да и самая идея «Кабачка Смерти» украдена у Домициана: этотъ помѣшанный однажды и впрямь до полу-смерти перепугалъ гостей своихъ по-

добнымъ погребальнымъ обѣдомъ.

Утрата страха смерти есть утрата сознанія нравственной отвѣтственности.

По смерти сталъ ты внѣ тревогъ,
Ты сталъ загадкою, какъ Богъ,
И вдругъ душа твоя,
Какъ радость, встрѣтила покой,
Какого въ жизни нѣтъ земной:
Покой небытія.

говоритъ Майковскій Люцій. Людямъ подобныхъ убѣжденій—какъ хорошо двумя словами выражено у Достоевскаго—«все дозволено». Человѣкъ живетъ страстями, тѣлеснымъ озлобленіемъ. Жизнь его превращается—если онъ натура аристократическая, тонкая, изящная—въ Петроніево самообожаніе, если онъ чернъ—въ грязную «карамазовщину». И такъ какъ Петроніевъ мало, а черни всюду и всегда сколько угодно, то, понятное дѣло, въ обществѣ, руководимомъ началомъ «все дозволено», карама-

Артистка Filly Waldegg. Картина Ф. Каульбаха.

зовщина количественнымъ и грубымъ нахрапомъ своимъ торжествующе подавляетъ аристократическое петроніанство и властно диктуетъ вѣку свои законы и вкусы. Мы знаемъ, что въ римскихъ амфитеатрахъ зрѣлища кровавыя смѣнялись живыми картинами невѣроятнаго безстыдства. Любовање половыми экстазами являлось какъ бы отдыхомъ отъ экстазовъ убійства. Самыя аляповатыя басни міоологии—въ родѣ сожительства Пасифаи съ быкомъ—выводились на сцену. Заключительная сцена Апулея «Золотого Осла» тоже весьма краснорѣчива въ этомъ направленіи. Вотъ ужъ до такихъ безобразій наши зрѣлища никогда не дойдутъ! восклицаетъ возмущенный читатель. Напрасная самонадѣянность. Крафтъ-Эбингъ и Ломброзо разбиваютъ ее своими наблюденіями надъ психопатами, посѣщающими заднія, секретныя залы нѣкоторыхъ парижскихъ кафе, гдѣ, къ удовольствію почтеннѣйшей публики, на специально устроенныхъ эстрадахъ разыгрываются сцены совершенно аналогическія названнымъ, и даже еще хуже. Кто же зрители этихъ гнусностей? По преимуществу, наѣзжающая изъ Европы и Америки богатая «интеллигенція». Въ томъ лишь слѣдовательно, и вся разниа съ Римомъ, гдѣ женщины и мужчины порядочнаго круга не позволяли себѣ оставаться при этихъ противуестественныхъ спектакляхъ и, на время ихъ, удалялись изъ зрительнаго зала. Такимъ образомъ,—что въ Римѣ потѣшало подонки зловонной Субурры, то въ XIX вѣкѣ развлекаетъ сливки общества, собирающагося во «всемирный городъ» съ Broadway Street à Trafalgar-Square'a, Сергіевской, Большой Морской.

Александръ Амфитеатровъ.

О Шоломѣ Ашѣ и по поводу его.

I.

На сценѣ сыграютъ пьесу, въ газетахъ о ней напишутъ рецензіи, нѣсколько дней поговорятъ о пьесѣ и о рецензіяхъ—потомъ позабудутъ. Нѣтъ такой плохой пьесы, о которой на другой день послѣ перваго представленія не появились бы во всѣхъ газетахъ отзывы присяжныхъ театральныхъ критиковъ и рецензентовъ. Но сколько есть прекрасныхъ пьесъ, прекрасно сыгранныхъ, одобренныхъ и газетной критикой и публикой, и все-таки быстро сошедшихъ со сцены и уже забытыхъ или забываемыхъ, хотя бы онѣ были достойны гораздо лучшей участи и болѣе долговѣчной сценической жизни. Въ этой неизбежности театральныхъ рецензій на другой день послѣ перваго представленія есть своя хорошая сторона, есть и худая. Легкія газетныя рецензіи подогрѣваютъ интересъ публики къ пьесамъ и въ то же время развращаютъ и публику и тѣхъ, кто пишетъ эти рецензіи. Разъ отчетъ о пьесѣ былъ данъ, у рецензента обыкновенно не находится мотивовъ, чтобы вернуться къ ней еще разъ, тѣмъ болѣе, что на сценѣ появляются пьесы новыя, и каковы бы онѣ ни были, о нихъ принято писать, хотя бы сплошную ругань, а писать о прекрасныхъ пьесахъ, еще недавно, чуть не вчерашняго, но почему-либо сошедшаго со сцены репертуара—не принято. Намъ всѣмъ не когда. Мы всѣ рвемся куда-то впередъ къ невѣдомому новому-лучшему и часто, не успѣвъ вполне использовать недавнее-хорошее, попадаемъ въ худшее-старое, реставрированное ультра-заново: такъ

во всемъ, такъ и съ пьесами. Если авторъ талантливой пьесы напомнимъ о себѣ новымъ драматическимъ произведеніемъ, при этомъ случаѣ мимоходомъ вспомнить и его старое. Безъ такого чисто внѣшняго повода все, что осталось недоговореннымъ о той или другой выдающейся пьесѣ при первыхъ отзывахъ о ней, остается недоговореннымъ навсегда.

Это случилось отчасти и съ Шоломомъ Ашѣмъ. Успѣхъ его первой пьесы «На пути въ Сіонъ» заставилъ обратить на него вниманіе, но очень скоро и пьесу и автора уже готовы были забыть,—заговорили же опять о Шоломѣ Ашѣ только съ появленіемъ его новой пьесы «Богъ мести».

Но теперь къ молодому автору предъявили болѣе строгія требованія, отношеніе къ нему и критики и публики оказалось болѣе сдержаннымъ, интересъ новизны пьесъ изъ еврейскаго быта ослабѣлъ. Если «Богъ мести» продолжаетъ имѣть успѣхъ, то это въ извѣстной степени благодаря ложнымъ условіямъ мнимой пикантности сюжета.

Мнѣ не пришлось увидѣть ни ту ни другую пьесу Шолома Аша на первыхъ ихъ представленіяхъ, а на болѣе позднихъ: «На пути въ Сіонъ» у Комиссаржевской, «Богъ мести» на провинціальной сценѣ, лѣтомъ. И мои впечатлѣнія были для меня на этотъ разъ тѣмъ цѣннѣе, что я не чувствовалъ на себѣ гипнотизирующаго вліянія зрительной залы первыхъ представленій, обыкновенно рѣшающихъ судьбу пьесъ—ихъ дальнѣйшій успѣхъ или провалъ. И, отдавая теперь себѣ отчетъ, я могу сказать, что если «Богъ мести» произвелъ на меня впечатлѣніе лучшее, чѣмъ я могъ ожидать по тѣмъ отзывамъ, которые пришлось читать и слышать, то эта пьеса, какъ пьеса, тѣмъ не менѣе сразу отошла въ моей памяти на второй планъ. Въ «Богѣ мести» я находитъ только частичныя подтвержденія того или другого, что возникло въ моихъ мысляхъ тогда, при первомъ знакомствѣ съ первой пьесой Шолома Аша, и что съ тѣхъ поръ продолжало развиваться, вызывая совершенно самостоятельно новый рядъ образовъ и мыслей. И, когда теперь говорятъ о Шоломѣ Ашѣ по поводу «Бога мести», мнѣ хочется говорить прежде всего и больше всего по поводу «На пути въ Сіонъ».

Вотъ она предо мной—эта комната въ домѣ жилищнаго стараго мѣшанина-еврея. Сюда сейчасъ должны собраться его —Ребъ Хонона—сыновья и внуки, чтобъ проститься съ нимъ предъ его уходомъ изъ страны, которая была родиной для его тѣла, въ страну, которая остается духовной родиной всего разбросаннаго по всему міру еврейства—въ Сіонъ. И они сходятся здѣсь, одинъ за другимъ, сначала по одиночкѣ, потомъ группами, всѣ вмѣстѣ, типичные представители современнаго еврейства, молодые, старые, богатые и бѣдные, темные и образованные, съ идеалами возвышенными и съ идеалами низменными, если этотъ эпитетъ можно примѣнять къ слову идеалъ. Можно было бы упрекнуть автора пьесы въ искусственности такой группировки, если бы она не была такъ жизненно-правдива и если бы она не была такъ типична именно для еврейства. Члены одной семьи—три поколѣнія—разбросанные по разнымъ мѣстамъ, по разнымъ профессіямъ, по разнымъ государствамъ: не таковы-ли и все еврейство въ его цѣломъ?

Съ первыхъ же сценъ перваго дѣйствія пьесы захватываетъ. Но все въ ней такъ необычайно. Кажется какъ-то странно видѣть все время только евреевъ, жить только еврейской жизнью и самое отношеніе къ общечеловѣческому идеаламъ видѣть чрезъ призму еврейскаго міросозерцанія. Кажется страннымъ слышать артистовъ, говорящихъ со сцены

неизмѣнно съ легкимъ, чуть замѣтнымъ, но тѣмъ не менѣе щекочущимъ нашъ слухъ еврейскимъ акцентомъ. Мы вѣдь привыкли, чтобы онъ всегда производилъ немного комическое впечатлѣніе. Чувствуется это на первыхъ порахъ и здѣсь; но впечатлѣніе быстро мѣняется: евреевъ, какъ евреевъ, сейчасъ же забываешь и въ нихъ—всѣхъ вмѣстѣ и въ каждомъ въ отдѣльности—видишь уже только человека въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, —худого-ли, хорошаго-ли, симпатичнаго или отталкивающаго, безразлично: человека.

И въ этомъ — первое огромное достоинство этой пьесы, написанной евреемъ на еврейскомъ жаргонѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ какомъ-то польскомъ мѣстечкѣ, надъ Вислой. Естественно, что вся эта семья изъ трехъ поколѣній говоритъ между собой на типичномъ еврейскомъ жаргонѣ, представляющимъ собой ломаный нѣмецкій языкъ. Но она совершенно такъ же могла бы говорить отъ перваго до послѣдняго ея члена и на польскомъ языкѣ или и на русскомъ, который былъ бы для нея языкомъ роднымъ, еслибъ дѣйствіе было перенесено куда-нибудь на югъ Россіи. И легкій русско-еврейскій акцентъ, который мы слышимъ здѣсь со сцены, даетъ полную иллюзію, что передъ нами живые люди, близкіе намъ русскимъ и хорошо намъ знакомые, въ своемъ родѣ родные, а не персонажи переводной нѣмецкой пьесы. Тутъ какъ-то не думается объ акцентѣ—тутъ только, какъ и вообще въ жизни, у каждаго лица свой тембръ голоса. Попробуйте отнять у нихъ этотъ акцентъ, вы умалите ихъ индивидуальность.

Я много видѣлъ еврейскихъ семей, со многими бывалъ близокъ. Но едва-ли когда-либо я чувствовалъ мою близость человека къ человеку вообще, какъ въ то время, когда я смотрѣлъ на эту семью стараго Ребъ Хонона. Въ пьесѣ выставлены и слабыя, темныя стороны еврейскаго характера и все возвышенное, что есть въ идеалахъ еврейства и что изъ Стараго и Новаго Завѣта стало достояніемъ всѣхъ христіанскихъ народовъ. И ни одной минуты мнѣ не приходило въ голову, что я вижу сатиру, уже не говоря о пасквилѣ, когда Шоломъ Ашъ развѣтывалъ предо мной отрицательныя стороны своихъ героев и среды, ихъ породившей; и точно также, когда онъ становился пѣвцомъ ихъ возвышенныхъ порывовъ, это ничуть не была апологія еврейскихъ стремленій играть мировую роль, обѣщанную Іеговой своему избранному народу. Несмотря на присущую пьесѣ символичность, несмотря на общій романтическій характеръ ея, на ея необычайность, все въ ней казалось мнѣ такимъ реальнымъ, такимъ простымъ—сама жизнь, наша жизнь, воспроизведенная истиннымъ художникомъ.

Если въ третьемъ актѣ «На пути въ Сіонъ» чувствуется какъ будто что-то навѣянное Гауптманомъ, то весь первый и отчасти второй акты заставляли меня не разъ вспоминать Островскаго. Только у Островскаго можно найти такую глубокую жизненную правду изъ быта *русскаго* темнаго царства, какую показалъ въ своей первой *еврейской* пьесѣ Шоломъ Ашъ. Но это отнюдь не подражаніе Островскому. Я не могу даже сказать, чтобы я чувствовалъ тутъ вѣяніе Островскаго, но я хочу сказать, что только Островскій—или по крайней мѣрѣ онъ больше, чѣмъ кто-либо—умѣлъ писать жизнь такъ неподкрашено-правдиво, достигая въ этомъ высшей ступени драматическаго искусства.

Если Островскаго можно назвать создателемъ національнаго русскаго театра гораздо въ большей степени, чѣмъ Гоголя, то я никакъ не рѣшился бы

М. А. Потоцкая (15 лѣтъ тому назадъ) въ пьесѣ „Майская ночь“.

(Къ 15-лѣтію службы въ Александринскомъ театрѣ).

сказать, что Шоломъ Ашъ можетъ быть названъ создателемъ еврейскаго театра, что онъ можетъ быть названъ представителемъ національной еврейской литературы. Въ своихъ еврейскихъ пьесахъ этотъ молодой еврей является «всечеловѣкомъ», болѣющимъ горестями, свойственными чуткимъ душамъ всѣхъ народовъ. Какъ «На пути въ Сіонъ», такъ и «Богоборческая» пьеса «Богъ мести» представляются мнѣ сознательнымъ или безсознательнымъ, косвеннымъ, чисто художественнымъ, отрицаніемъ еврейскихъ національных идеаловъ, а съ ними и всякаго націонализма вообще. И въ то же время появленіе пьесъ Шолома Аша укрѣпляетъ индивидуализмъ еврейства въ «толпѣ» другихъ національностей. Слушая «На пути въ Сіонъ», я думалъ: если такія вещи будутъ писаться на еврейскомъ жаргонѣ, если ихъ будетъ много, онѣ вѣдь должны будутъ завоевать себѣ мѣсто во всемирной литературѣ не только сами по себѣ, какъ художественныя, общечеловѣческія произведенія, но завоевать мѣсто и самому этому еврейскому жаргону. И я съ нѣкоторой завистью говорилъ себѣ: «О, какъ хотѣлъ бы я, чтобы на русскомъ языкѣ почаще появлялись такія пьесы, такія чисто національныя съ внѣшней стороны и въ то же время такія общечеловѣческія,—такія современныя и въ то же время уходящія безпредѣльно въ глубь отжитыхъ вѣковъ и въ невѣдомое далекое будущее. Ничто не показываетъ такъ наглядно великаго значенія родной литературы для всякаго народа, какъ эта пьеса. Пока евреи вносили свои таланты въ общую сокровищницу того или другого народа, среди котораго жили и искали правъ гражданства дѣти ихъ племени, пока они писали на языкѣ того или другого народа произведенія литературы или науки и достигали иногда высокаго положенія среди этихъ народовъ, они этими самыми народами исключались изъ еврейства и причислялись къ своимъ. Но еврейство, какъ народъ, оставалось у всѣхъ народовъ

отверженнымъ, непризнаннымъ, несмотря на всѣ постепенно завоеванныя имъ юридическія права гражданства и даже права капиталистическаго господства. Его древній языкъ остается чуждымъ даже гримасной еврейской массѣ, которая имъ не пользуется. Его современный нѣмецкій жаргонъ считается чѣмъ-то низменнымъ и презрѣннымъ. Газеты и книжки на этомъ жаргонѣ писались и пишутся какъ будто только для темной еврейской массы, еврейская же интеллигенція не только пользуется въ житейскомъ обиходѣ языкомъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ она родилась и выросла, но считаетъ для себя зазорнымъ говорить на своемъ жаргонѣ.

И вотъ является молодой писатель, который пишетъ на этомъ языкѣ произведение не приноровленное къ пониманію малообразованныхъ еврейскихъ массъ, не предназначенное для ихъ просвѣщенія, а произведение, достойное стать рядомъ съ лучшими произведеніями на любомъ изъ общепризнанныхъ культурныхъ языковъ. И подъ впечатлѣніемъ «На пути въ Сіонъ» я говорилъ себѣ: «Литература—сила всесокрушающая. Если литература одного народа въ состояніи духовно завоевать другой народъ, то она въ состояніи и вывести изъ плѣна народъ поработенный». Никакое насильственное обрусѣніе не въ состояніи было обрусить ни нѣмцевъ, ни поляковъ, ни финновъ, ни евреевъ. А русская литература завоевала русскому народу права гражданства въ сонмѣ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, шедшихъ впереди насъ по пути прогресса. Точно также владычество надъ міромъ путемъ золота, котораго добывалось и продолжаетъ добываться еврейство, не можетъ дать евреямъ не только надежной власти или искренняго уваженія къ нимъ, но не дастъ ни простого спокойствія, ни увѣренности, что они когда-нибудь будутъ вездѣ и всюду равноправными съ другими народами. А еврейская литература, если она будетъ развиваться въ такомъ духѣ, какимъ проникнуты пьесы Шолома Аша, такая литература не только въ состояніи вывести евреевъ изъ безправія, въ какомъ они находятся у насъ и въ какомъ они при извѣстныхъ условіяхъ могутъ очутиться и въ любой другой странѣ міра,—ибо нѣтъ такой страны, гдѣ не существовало бы въ болѣе или менѣе степени общей всѣмъ народамъ болѣзни—антисемитизма,—истинно-художественная еврейская литература можетъ поставить еврейство дѣйствительно на равную ногу со всѣми другими народами и заставить признать права гражданства даже за такимъ незаконнорожденнымъ языкомъ, какъ еврейскій жаргонъ. До сихъ поръ не приходилось слышать, чтобъ на этомъ жаргонѣ нашлись еще настоящія художественныя произведенія, подобныя пьесамъ Шолома Аша,—но извѣстно, что на всѣхъ языкахъ есть произведенія, въ которыхъ изображаются евреи, болѣе или менѣе густо выкрашенные красками юдофобства или юдофильства. Авторы такихъ тенденціозныхъ произведений принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ національностямъ, и между юдофобами найдутся и евреи. Есть однако и произведенія, претендующія на художественную объективность; но мнѣ эта объективность всегда казалась какой-то предвзятой, навѣянной, по-своему тенденціонной. За усердно подчеркиваемымъ безпристрастіемъ въ изображеніи свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ еврейства, безпристрастіемъ искреннимъ, непосредственнымъ или же надуманнымъ, мнѣ всегда слышалось навязчивое желаніе *доказать*, что евреи имѣютъ всѣ права считать себя если не выше, то ничѣмъ не ниже любого другого народа. Вопросъ о еврейскомъ равноправіи былъ до сихъ поръ какъ бы постоян-

нымъ коэффициентомъ во всѣхъ вычисленіяхъ добродѣтелей и пороковъ еврейскаго народа.

II.

Ничего подобнаго нѣтъ у Шолома Аша. *Вопросы* о еврейскомъ равноправіи для него не существуютъ. Такой вопросъ ниже достоинства художника-еврея. Онъ чувствуетъ себя *человѣкомъ*, и въ его художественной душѣ не можетъ даже возникнуть ни на одно мгновеніе сомнѣнія въ томъ, что онъ и сейчасъ равноправенъ со всѣми представителями наиболѣе культурныхъ такъ называемыхъ великихъ народовъ. Но зато у него нѣтъ и другого: нѣтъ вѣры въ то, что завѣщанные предками идеалы еврейскаго народа суть единные спасительные для еврейства. Нѣтъ у него вѣры ни въ Сіонъ, ни въ грядущаго Мессію, ни въ Тору, ни въ торжество золотого тельца, ни во что, чѣмъ живетъ, чѣмъ старается быть сильнымъ еврейство всего міра. У него нѣтъ вѣры въ еврейскій націонализмъ, какъ у него не можетъ быть вѣры въ значеніе национализма для какого бы то ни было другого народа. Если бы для характеристики его духовной сущности, я бы употребилъ слово «анархистъ», это не выразило бы того впечатлѣнія, какое у меня составилось о немъ по двумъ его пьесамъ. Скорѣе я скажу, что онъ почти *нигилистъ*—въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Въ обѣихъ пьесахъ, а въ «На пути въ Сіонъ» въ особенности, чувствуется духъ самоотрицанія. Для Шолома Аша еврейство, какъ еврейство видимо совсѣмъ не имѣетъ никакой цѣнности. Но онъ—еврей, живетъ среди евреевъ и въ этой родной для него средѣ ищетъ и находитъ *человѣка*, героя своихъ произведеній, *человѣка*, чья душа должна являться отраженіемъ Невѣдомаго Бога. И этотъ *человѣкъ* съ искрой божіей въ груди,—кто бы онъ ни былъ—Ребъ Хононъ или содержатель публичнаго дома Янкель Шепшовичъ—одинаково дорогъ автору не какъ еврей, а какъ *человѣкъ*. Во имя любви къ *человѣку*, отражающему въ себѣ міровую душу, Невѣдомаго Бога, «какъ солнце въ малой каплѣ водѣ», во имя грядущаго «всечеловѣка», который долженъ смѣнить француза, нѣмца, англичанина, русскаго, еврея—Шоломъ Ашъ отрекается отъ еврейства, отрекается отъ своего Бога, который обѣщалъ избранному народу сдѣлать его владыкой всего міра. Онъ понялъ, что самъ-то этотъ Богъ—Іегова или Адонай—богъ только одного народа и никогда не будетъ богомъ всего міра, и самое обѣщаніе его уже не отвѣчаетъ духу времени. Человѣчество переросло своихъ боговъ, еврейство нашихъ дней переросло своего Іегову, и отреченіе отъ Бога, который въ теченіе тысячелѣтій хранилъ жизнь или скорѣе живучесть своего избраннаго народа, но никогда не могъ охранить его отъ вѣковѣчныхъ страданій, стало для нашего времени логически неизбежнымъ.

Шоломъ Ашъ, какъ нигилистъ, легко выброситъ за бортъ грузъ тѣхъ архивныхъ цѣнностей, которыми еще дорожатъ и люди его племени и люди другихъ племенъ и народовъ. Для него существуетъ одна реальная цѣнность: *человѣкъ* и душа *человѣка*, отражающая еще не познаннаго Невѣдомаго Бога.

Но, нигилистъ самъ, Шоломъ Ашъ во имя любви къ *человѣку*, къ грядущему «всечеловѣку», *относится* по меньшей мѣрѣ съ терпимостью, а чаще всего съ любовью, къ слабымъ людямъ, влачащимъ грузъ своихъ мнимыхъ цѣнностей и видящимъ въ нихъ счастье. Еще не успѣвъ привести всечеловѣка въ царство Невѣдо-

Г. Качаловъ въ роли Бранда.

Рис. А. Любимова.

маго Бога, онъ не хочетъ отнять у людей ихъ призрачныхъ боговъ, ихъ призрачныя эмблемы счастья, ихъ призрачныя знамена, и, указывая имъ всю призрачность ихъ существованія при современныхъ условіяхъ, онъ дѣлаетъ это такъ, какъ будто они сами своими глазами прозрѣваютъ: ничего не разрушая насильно, онъ никогда не выступаетъ проповѣдникомъ. Поэтому-то и самоотречение—не личное Шолома Аша, а самоотречение всего еврейства—нигдѣ не является въ этихъ пьесахъ въ рѣзко-выраженной формѣ: тамъ, гдѣ его нельзя разслышать, его надо почувствовать.

Шоломъ Ашъ какъ бы говоритъ намъ: рождается новый міръ, съ новыми еще не установившимися идеалами, и этотъ новый міръ отвергнетъ все, что было самаго цѣннаго въ старомъ и создастъ новыя цѣнности. Я не знаю, будутъ-ли онѣ лучше, будутъ ли истинными, но я знаю, что къ нимъ, какъ къ хорошему, какъ къ истинному, стремятся наиболѣе чуткія души въ томъ мірѣ, среди котораго я живу, который я знаю, и вотъ я показываю вамъ какъ и гдѣ люди ищутъ путей въ другой, лучшій міръ. И къ каждому ищущему, алчущему и жаждущему этой истины, идущему правымъ или ошибочнымъ путемъ, я отношусь съ любовью, я показываю ему здѣсь его исканія и говорю ему: «Смотри и выбирай. Я самъ не знаю еще этихъ путей, но если мой глазъ, мой слухъ могутъ быть тебѣ полезны,—смотри, я показываю тебѣ всѣ пути, по которымъ идешь ты, по которымъ идутъ другіе, по одному изъ которыхъ, быть-можетъ, пойду когда-нибудь и я».

А. Луговой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Послѣдніе годы Моцарта.

(Борьба съ судьбою и смерть композитора).

Моцартъ, судя по многочисленнымъ біографіямъ и портретамъ, долженъ былъ быть довольнымъ собой и жизнью, человекомъ веселымъ и жизнерадостнымъ.

Разсматривая его портреты, вглядываясь въ его красивое, одухотворенное лицо, вы не замѣтите ни одной складки, ни одной морщинки, которая бы говорила о душевной горести великаго маэстро. И это даже на портретѣ Тилибейна, написанномъ въ Майнѣ за какой-нибудь годъ до смерти Моцарта, когда ему особенно не везло и счастье съ его жизненными удачами, радостями и успѣхомъ окончательно отъ него отвернулось! До послѣдняго дня жизни, вѣрнѣе, до послѣдняго момента ея, Моцартъ сохранилъ на своемъ лицѣ такую жизнерадостность, что никто бы изъ незнающихъ его никогда не сказалъ:

— Это одинъ изъ несчастнѣйшихъ великихъ людей, къ которому судьба такъ жестока и несправедлива.

А это было именно такъ.

Дѣтство и юность Моцарта были лучшимъ временемъ его недолгой жизни. Это былъ рядъ триумфовъ. Геніальный ребенокъ всюду имѣлъ исключительный успѣхъ, ему предсказывали громадную будущность, выдающуюся роль въ музыкальномъ мірѣ и вдругъ, когда геній его, дѣйствительно проявился, расцвѣлъ, какъ пышный, роскошный цвѣтокъ, счастье неожиданно и безпричинно отвернулось отъ него, и ореолъ Моцарта сталъ быстро таять.

И что особенно странно и непонятно—чѣмъ Моцартъ становится виднѣй и замѣтнѣй, чѣмъ ярче проявляется его удивительное дарованіе, тѣмъ больше отворачивается отъ него публика, успѣхъ... Моцартъ быстро познаетъ всю горечь жизни, и даже попадаетъ въ нужду...

Моцартъ, какъ никто, умѣлъ безпристрастно относиться къ себѣ, умѣлъ чувствовать...

Его не понимали, надъ нимъ смѣялись, говорили, что онъ «выдохся»...

Нужда изо дня въ день все росла и росла. Часто дома не на что было купить хлѣба, и его жена ходила по сосѣдямъ просить въ долгъ...

А тутъ еще новыя испытанія. «Свадьба Фигаро» едва-едва прошла, «Донъ Жуанъ» потерпѣлъ полное фіаско, а его жена, единственный его вѣрный другъ, серьезно заболѣла и врачъ нашелъ необходимымъ отправить ее на воды въ Баденъ...

Нужны деньги. Гдѣ ихъ достать?

Моцартъ мечется по городу, обращается ко всѣмъ, проситъ, наконецъ, умоляетъ...

Увы, все напрасно.

Издатели, богатые друзья, директоры театровъ остаются глухи къ его горю. Оно не трогаетъ ихъ сердца. Объ этомъ узнаетъ никому невѣдомый скромный баденскій учитель Штоль и предлагаетъ Моцарту бесплатно пользоваться у него квартирой и столомъ. Скрѣпя сердце, онъ былъ принужденъ согласиться. Еще бы, отъ этого зависѣла жизнь его дорогой Констанціи! Моцартъ, тронутый до глубины души, безконечно обязанный и не зная, какъ отблагодарить этого чужого ему добраго и благороднаго человека, посвящаетъ ему свое безсмертное «Ave Verum», приписавъ на первой страницѣ: «Штолю—благодарный Моцартъ».

Тотчасъ же онъ отправился къ издателю.

— Да, это я, *пожалуй*, возьму—отвѣчалъ ему тотъ, небрежно просмотрѣвъ рукопись.—Вотъ вамъ два дуката, но только, пожалуйста, не пишите больше въ этомъ родѣ. Надо что-нибудь фривольное, оно идетъ куда лучше!..

— Въ такомъ случаѣ—спокойно отвѣчалъ Моцартъ—мнѣ остается одно: умереть съ голоду и весь вопросъ только когда...

— Это ужъ ваше дѣло, если вы не хотите работать такъ, какъ нужно—цинично замѣтилъ ему издатель.

Моцартъ упалъ было духомъ, но не надолго. Неожиданно онъ узналъ, что освобождается мѣсто учителя въ королевской капеллѣ. Правда, это не дѣло для Моцарта, но зато его семья перестала бы

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ 1907 г.

П. Руссель. Пилигримъ жизни.

нуждаться и онъ смогъ бы на досугѣ мирно работать, не думая объ ужасномъ «завтра», но и здѣсь неудача преслѣдуетъ его—мѣсто занимаетъ Сальери. Тогда Моцартъ подаетъ прошеніе назначить его на вакантное мѣсто Сальери—его отдають бездарному сочинителю вальсовъ Умлауфу. Моцартъ продолжаетъ борьбу, ищетъ мѣсто.

Вотъ, кажется, нѣчто подходящее. При дворѣ ищутъ учителя музыки для дѣтей императора.

Авторъ «Донъ Жуана» ставитъ свою кандидатуру, но ему предпочитаютъ того же Умлауфа, находя Моцарта слишкомъ серьезнымъ, но онъ не унываетъ и чѣмъ больше его преслѣдуютъ неудачи, тѣмъ онъ становится энергичнѣе...

Въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ по случаю коронаванія Леопольда Второго предлагаютъ дать нѣсколько большихъ концертовъ.

— Если бы мнѣ поручили устройство,—узнавъ объ этомъ воскликнулъ Моцартъ—я былъ бы счастливъ, во всякомъ случаѣ, попытаю счастья!..

Поручили Сальери.

— Но, быть можетъ, я попаду къ нему хоть въ помощники—мечталъ Моцартъ.

— Назначили Умлауфа.

— Наконецъ, дайте хоть что-нибудь — писалъ Моцартъ—тамъ вѣдь цѣлый оркестръ.

— Подайте прошеніе Сальери—посоветовали ему.

И онъ подалъ, надѣясь, что его возьмутъ какъ скрипача, или, соглашаясь даже играть на какомъ либо ударномъ инструментѣ. Сальери даже не отвѣтилъ.

Тридцать четыре года.

Лучшее время жизни прошло, а впереди ничего.

Надо думать о старости, необходимо позаботиться о семьѣ, такъ или иначе обезпечить ее. Эти мысли не покидаютъ Моцарта ни на одну минуту, не даютъ ему спать...

— Отправляюсь концерттировать—рѣшаетъ онъ—по Германіи, Австріи, поберусь въ Италію, но...

И задумывается.

Гдѣ взять денегъ, чтобы обезпечить на время отсутствія семью? Но вотъ счастливая мысль.

Давно, когда онъ былъ еще ребенкомъ, его баловали даже короли. У него сохранились два царскихъ подарка золотые, луковичей часы и усыпанная драгоценными камнями табакерка...

— Если заложить — мечтаетъ онъ и относить свои послѣднія цѣнности, которыми такъ дорожилъ, къ ростовщику.

— Сколько хотите господинъ Моцартъ?—повертѣвъ ихъ въ рукахъ и внимательно разсмотрѣвъ черезъ увеличительное стекло камни и эмаль—безучастно спросилъ ростовщикъ.

— Двѣ тысячи флориновъ—отвѣчалъ онъ.

— Ну, это много... А вотъ восемьсотъ я, пожалуйста, дамъ.

На тысячѣ покончили.

— Приходите завтра за деньгами—сказалъ на прощанье ростовщикъ—и мы рассчитаемся.

На другой день новое разочарованіе. Въмѣсто обѣщанной тысячи флориновъ, пришлось примириться на половинѣ, а остальное забрать товаромъ.

— Все равно—думаетъ онъ—лишь бы скорѣе... концерты окупятъ все...

Онъ спѣшитъ въ Франкфуртъ, но толпа, занятая коронационными празднествами не обращаетъ на него вниманія, и его концертъ не окупаетъ расходовъ.

Онъ бѣжитъ.

Въ Майнцѣ, Мюнхенѣ, наконецъ, Мангеймѣ—всюду неудачи.

Ни сборовъ, ни успѣха.

Эти неудачи, вѣрнѣе, рядъ неудачъ, отбилъ у Моцарта всякую охоту концерттировать и онъ рѣшилъ было ужъ окончательно вернуться домой, впрочемъ, предварительно попробовавъ устроиться въ Вѣнѣ.

Онъ подалъ большую докладную записку вѣнскому архіепископу, прося его устроить помощникомъ хормейстера въ соборѣ.

Это было вполне возможно, такъ какъ самъ хормейстеръ старикъ Гольманъ, былъ жестоко боленъ и около году не выходилъ уже изъ дому.

И на этотъ разъ счастье лишь посмѣялось надъ нимъ.

Моцарта назначили кандидатомъ на соборнаго хормейстера... безъ содержанія.

Наконецъ, одно изъ его позднѣйшихъ произведеній—«Волшебная флейта» прошла съ громаднымъ успѣхомъ, создавъ цѣлое событіе въ музыкальномъ мірѣ, но все это было не для Моцарта, который эту оперу продалъ за гроши импрессарио Шикшнейдеру, котораго «Волшебная флейта» не только спасла отъ долговъ, но еще обогатила...

«Волшебная флейта» сдѣлала мировую карьеру, о Моцартѣ снова заговорили, онъ снова попалъ въ

полосу счастья... Къ сожалѣнію, поздно. Здоровый организмъ его, долго и упорно боровшійся съ превратностями судьбы, завистью и людской несправедливостью, наконецъ, былъ сломленъ.

Моцартъ слегъ въ постель.

Въ это время одинъ венгерскій графъ предложилъ ему пенсію въ тысячу флориновъ съ тѣмъ, чтобы онъ опять предался серьезной композиціи, Нидерланды тоже, вдругъ, захотѣли ему помочь и предложили какое-то соотвѣтствующее мѣсто. Де-Понтэ—авторъ поэмы «Донъ-Жуанъ» прислалъ ему изъ Лондона письмо, говоря, что англичане жаждутъ его видѣть среди нихъ. Дѣло лишь за его пріѣздомъ. Пусть только спѣшитъ скорѣе въ Лондонъ и тогда ему обеспечена блестящая будущность.

Но все поздно.

Слишкомъ поздно.

Моцарту уже не нужна ни карьера, ни обеспеченность—болѣзнь его сломила окончательно.

«Благодарю васъ,—отвѣчалъ онъ де Понтэ—но все это не для меня. Мой часъ наступаетъ. Я догораю, какъ свѣча. Я умру раньше, чѣмъ смогу бы использовать свой талантъ, а жизнь такъ хороша! блестящая карьера меня такъ манитъ, она открываетъ мнѣ новый, невѣдомый міръ... Но что дѣлать! Противъ судьбы не пойдешь! Здѣсь, на землѣ мы всѣ подчинены Ему... Пусть будетъ такъ, какъ угодно Провидѣнію! Что же касается лично меня, я долженъ закончить еще свой похоронный гимнъ. Я не хочу оставить незаконченнымъ мое послѣднее произведеніе...»

И больной, съ трясущимися отъ слабости и лихорадки руками, онъ засѣлъ за работу...

Такъ онъ дописывалъ «Lacrimosa»—эту послѣднюю часть своего знаменитаго Requiem'a...

Смерть!..

Для большинства это успокоеніе. Но не для Моцарта.

Судьба преслѣдуетъ его даже послѣ смерти!

Въ день похоронъ, его жена была настолько больна, что не могла встать съ постели, пойти провозить прахъ своего мужа на кладбище.

Пришли носильщики, подняли гробъ, понесли...

Это было въ декабрѣ 1791 года.

Погода стояла ужасная. Шелъ снѣгъ, перемѣшанный съ градомъ, вѣлъ вѣтеръ... Друзья, шедшіе было за гробомъ, понемногу отставали. На кладбищѣ ихъ уже никого не было.

Стали искать приготовленную могилу—ея не оказалось, такъ какъ не хватило денегъ на покупку мѣста.

Тогда могильщики бросили гробъ въ общую могилу и закопали. Нѣсколько дней спустя, когда вдова Моцарта немного оправилась, она поспѣшила на кладбище помолиться на могилѣ мужа.

— Гдѣ могила Моцарта—справляется она то у одного, то у другого.

Никто не знаетъ.

— Господинъ Моцартъ—съ недоумѣніемъ отвѣчаютъ они, пожимая плечами—не знаемъ.

Можно бы спросить носильщиковъ, но гдѣ ихъ найти? Эти сдѣлали свое дѣло и разбрелись въ разныя стороны. Ихъ также никто не знаетъ, какъ и могилу Моцарта.

И когда въ 1851 году вздумали, наконецъ, поставить монументъ на могилѣ Моцарта на вѣнскомъ кладбищѣ, то принуждены были поставить на его предполагаемой могилѣ...

Впрочемъ, памятникъ, который не сумѣли ему поставить люди, онъ давно уже поставилъ самъ.

Памятникъ поэта—слава.

Н. М.—въ.

Отеро—королева брилліантовъ.

(Къ бывшимъ гастролямъ ея въ театрѣ Крестовскаго сада).

Малехкая хрохика.

*** На-дняхъ за кулисами Народнаго Дома разыгрался инцидентъ. Г. Клементьевъ, отличающійся не столько голосомъ, сколько мускулами, накинута на рецензента „Товарища“ г. Беренштейна за то, что тотъ пишетъ свои рецензіи въ нежелательномъ для г. Клементьева духѣ. „Запрещу“, вопилъ г. Клементьевъ. Г. Беренштейнъ, какъ говорятъ, угрозы г. Клементьева не испугался, но во избѣжаніе недоразумѣній на будущее время рѣшилъ каждую рецензію о г. Клементьевѣ заканчивать словами: „...но мускулы у г. Клементьева дѣйствительно прекрасны“.

*** Въ свое время много шума произвело извѣстіе о томъ, что извѣстный актеръ, гастролируя на Дальнемъ Востока, занялся въ то же время постановкой въ дѣйствующую армію, кажется, махорки. Теперь „Пет. Газ.“ сообщаетъ не менѣе сенсационное извѣстіе. Извѣстный М. М. Петипа арендовалъ въ Харбинѣ гостиницу. Гостиница славится своими удобствами и всегда переполнена. Какъ хороши его дѣла, можно заключить еще изъ того, что въ послѣдній годъ войны артистъ сдавалъ комнаты не меньше, чѣмъ по пятнадцати рудлей въ сутки, но такъ какъ сплошь да рядомъ случались дни, когда гостиницу особенно наводняли, то онъ сдавалъ комнату по угламъ, за что бралъ не больше, не меньше, какъ по 7—8 рублей.

Конечно, открыть гостиницу для пріѣзжающихъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ играть на сценѣ, даже въ качествѣ гастролера. Но неужели стоило всю свою жизнь отдать театру для того, чтобы на склонѣ лѣтъ открыть меблированные комнаты!..

*** Въ провинціи умѣютъ расписывать афиши. Придумываютъ бьющія въ носъ заглавія отдѣльнымъ актамъ и даже не стѣсняются измѣнять заглавіе самой пьесы. Напр., въ одномъ провинціальномъ театрѣ „Фимка“ Трахтенберга была озаглавлена „Борцы за свободу“ и только въ скобкахъ мелкимъ шрифтомъ напечатано „Фимка“. Подзаголовки отдѣльныхъ актовъ: 1-е дѣйствіе—„Въ отдѣльномъ кабинетѣ.—Оргія!“, 2-е „Забастовщикъ“, 4-е „Она поняла“. Правъ, повидимому, провинціальный актеръ Н. Н. Пономаревъ, въ своемъ обращеніи къ драматургамъ (см. мал. хр. въ № 26) заявившій, что все дѣло въ названіи, иначе публику въ театръ не заманишь. Вотъ и изощряются гг. провинціальные антрепренеры...

*** Редакціей получено курьезное письмо съ просьбой помѣстить его цѣликомъ за полной подписью въ одномъ изъ ближайшихъ №№ журнала. Во-первыхъ, авторъ письма феноменальный человекъ: ему всего только 20 лѣтъ, но онъ уже въ 6 классѣ гимназіи, уже 7 лѣтъ, какъ страстный поклонникъ искусства и уже дебютировалъ съ успѣхомъ въ урочищѣ Мангисъ. И это замѣтьте, въ 20 лѣтъ.

Онъ „достаточно извѣстенъ бакинкой и тифлисской публикѣ!“ Онъ проситъ, внести въ повѣстку одного изъ ближайшихъ засѣданій Театральнаго О-ва вопросъ о его горячемъ желаніи дебютировать предъ бакинкой публикой въ труппѣ Кручинина. За ролями онъ не гонится—ему все равно роль ли Гамлета (причемъ костюмы обязательно отъ дирекціи),

или—Оскара въ „Привидѣнiяхъ“ Ибсена. Въ благодарность за хлопоты авторъ письма общаетъ преподнести редакцiи свой портретъ съ собственноручной подписью. А въ концѣ письма скромно добавлено, что онъ не боится дебюта: „Вѣдь при первомъ дебютѣ г-жи Ермоловой ее тоже окружали насмѣшки и интриги“. Подпись автора письма мы не помѣщаемъ. Что въ ней?

*** Последнiй декадентскiй шедевръ г-жи Зиновьевой-Аннибалъ—„33 уродъ“ уже „попалъ въ передѣлку“. На-дняхъ подѣ этимъ заглавiемъ идетъ обзоръ въ „Буффъ“ въ бенефисъ г. Кошевскаго.

Къ сезону въ провухiи.

Варшава. Варшавскiй правительственный оперный театръ сданъ на пятилѣтiе въ аренду мѣстному филармоническому обществу. Договоръ утвержденъ генераломъ Скалономъ.

Вильна. Между администрацiей и актерами „еврейско-нѣмецкой труппы“ Д. М. Сабсая возникли недоразумѣнiя экономическаго и, главнымъ образомъ, моральнаго свойства, которыя привели 5-го iюля къ открытому конфликту, вслѣдствiе чего спектакли еврейской труппы, начиная съ 5 iюля прекратились.

Кисловодскъ. Игравшее здѣсь съ 1-го iюня по 1-е iюля драматическое товарищество, въ составѣ котораго находились артисты московск. Художественнаго театра и театра Корша, закончили спектакли, не заработавъ почти ничего. Сборъ все время не превышалъ ста рублей. Съ 1-го iюля открылись оперные спектакли; составъ труппы слабый; все оперное дѣло построено на гастролерахъ.

Кievъ. Слезное ходатайство М. М. Бородай о возвратѣ ему залога было рассмотрѣно думой 4 iюля. Г. Бородай въ своемъ ходатайствѣ указалъ на то, что послѣ прекращенiя антрепризы онъ очутился въ тяжеломъ матеріальномъ положенiи. „Какими силами ликвидировать ужасы, которые я перенесъ за шестилѣтнюю антрепризу? пишетъ г. Бородай. Не хватаетъ словъ, чтобы выразить горе и слезы, перенесенныя мною за это время. Семья осталась безъ средствъ“. Далѣе г. Бородай указываетъ, что ремонтъ театра, который городъ производилъ за его счетъ, произошелъ не по его, Бородай, винѣ. Такъ, напр., мебель попорчена толпою, самовольно врывавшейся въ театръ во время русско-японской войны. Въ заключенiе г. Бородай умоляетъ городскую думу не поминать его лихомъ и вернуть ему его залогъ.

Послѣ дебатовъ дума постановила потребовать отъ г. Бородай, согласно контракту, ноть на 700 руб., а остальной залогъ вернуть ему въ видѣ пожертвованiя.

Минскъ. Съ 12 iюля въ городскомъ театрѣ начались спектакли малорусской труппы И. Л. Сагатовскаго.

Пенза. „Русск. Сл.“ пишутъ: „5-го iюля, въ 11 часовъ вечера, въ садъ театра „Буффъ“ были брошены изъ лѣса черезъ заборъ три бомбы. Они разорвались съ сильнымъ трескомъ около театральнаго буфета и произвели страшную панику среди публики, слушавшей въ этотъ вечеръ оперетку „Монна-Ванна“. Одной изъ бомбъ былъ раненъ въ ногу буфетный поваръ.

За недѣлю до этого, очевидно, тѣми же лицами опереточный театръ былъ облитъ во время представленiя въ нѣсколькихъ мѣстахъ керосиномъ и подожженъ. Поджогъ не удался, такъ какъ огонь былъ замѣченъ своевременно полицiей. Были и еще раньше попытки къ поджогу этого театра.

Какіе-то таинственные незнакомцы, именуящие себя „партией коммунистовъ“, въ разбрасываемыхъ прокламацияхъ сповѣщаютъ жителей, что эти попытки—дѣло ихъ рукъ, и просятъ не посѣщать театра, „служащаго притономъ развратной и сытой буржуазіи“.

Петропавловскъ. Сгорѣлъ 1 iюля по окончанiи спектакля лѣтнiй театръ и все театральное имущество. Труппа Е. И. Щербаковой кончаетъ сезонъ въ зимнемъ театрѣ, дѣла были очень хороши.

Севастополь. Съ 8 iюля въ лѣтнемъ гор. театрѣ дала 5 спектаклей опереточная труппа С. И. Крылова.

Тифлисъ. 28 iюня сгорѣлъ до тла театръ „Бель-вю“. Пожаръ произошелъ въ началѣ 7 ч. утра. Сгорѣли костюмы артистовъ, ноты, музыкальные инструменты, аппаратъ для свѣтовыхъ картинъ, книги, весь инвентарь и проч. Причина пожара пока не выяснена. Артисты и музыканты, а также часть служащихъ потеряли все свое имущество и очутились въ безвыходномъ положенiи.

Тобольскъ. Артистъ труппы малороссовъ Сарматовъ, игравшій въ пьесѣ „Борцы за мрiю“ запаснаго унтеръ-офицера, представляя двухъ босяковъ изъ одесскаго ночлежнаго дома, соглашавшихся за четыре рубля оклеветать невиннаго—заявилъ со сцены: „Рекомендую—представители истинно-русскихъ людей“. Раздались дружные, долго несмолкавшіе аплодисменты

публики. Полицiя составила протоколъ и артисту было объявлено распоряженiе вр. ген.-губернатора выхъ въ 24 часа изъ города. Но по ходатайству антрепренера распоряженiе это было отменено.

По Провухiи.

Въ Астраханѣ драматическая труппа А. П. Поляковой открыла сезонъ пьесой Тихонова „На распаху“.

Послѣдующiй репертуаръ представляетъ какую-то окрошку. Тутъ и „Казнь“, и „Шквалъ“ съ „Шерлокомъ Холмсомъ“, и „Потонувшiй колоколъ“ съ „Брачными мостками“, и „Торговый домъ“ съ „Хаосомъ“, и „Господинъ бюрократъ“ съ „Коринескимъ чудомъ“. Сборъ плачевные и только этимъ можно сбъяснить подобный смѣшанный репертуаръ: антреприза пробуетъ почву на чемъ остановиться.

Зато вполне чувствуетъ подѣ собой почву г. Эхо изъ „Астраханск. Вѣстн.“ Восхваляя пьесу и исполненiе фарса „Господинъ бюрократъ“, г. Эхо приходитъ въ недоумѣнiе. „Въ этотъ вечеръ, пишетъ онъ, въ началѣ, неизвѣстно для чего, представленъ былъ 1-й актъ „Нахлѣбника“. Затѣмъ, отдавая должное прекрасной игрѣ г. Смирнова въ главной роли, онъ заканчиваетъ: „но все же этимъ не оправдывается постановка пьесы Тургенева, который на современной сценѣ не представляетъ больше интереса“.

Прослышалъ г. Эхо что то о „новыхъ вѣянiяхъ“, ну и пожелалъ идти въ ногу съ вѣкомъ.

Во Владивостокѣ музыкально-драматическiй кружокъ въ общедоступныхъ спектакляхъ, очевидно приуроченныхъ для народа, развиваетъ вкусы послѣдняго „Рабынями веселья“ и „Каторжниками“.

Репертуаръ подходящiй!..

Въ Вильно продолжаетъ свою дѣятельность фарсъ Новикова. Прошли „Подъ звуки Шопена“, „Индюкъ“, „Военный покой“, „Безъ протекцiи“, „Камеристка“, „Рабыни веселья“ (бенефисъ Романовскаго), „Обзоръ“ (разумѣется мѣстное для бенефиса Гарина) и къ этому веселому репертуару прихватили еще „Слушай Израиль“. Кромѣ того, труппа выхлопотала разрѣшенiе на постановку „Жизни Человѣка“.

Въ Кievѣ „въ Шато-де-Флеръ“ антреприза Новикова уже начала приглашать гастролеровъ. Сборъ, стало быть, пошли на пониженiе. Первой явилась Кавецкая и выступила въ „Веселой вдовѣ“.

Въ лѣтнемъ театрѣ Купеческаго Собранiя товарищество малороссiйскихъ артистовъ подѣ управленiемъ А. К. Саксаганскаго.

Въ Казани въ „Панаевскомъ“ театрѣ фарсъ съ борьбой; въ „Аркадiи“ полу-оперетка, полу-фарсъ: ни то—ни се и, конечно, опять, борьба. Но и тутъ и тамъ разумѣется дѣло буфетное и театръ ни при чемъ.

Въ Калугѣ товарищество малороссовъ подѣ управленiемъ А. И. Чернова. Труппа пользуется успѣхомъ.

Въ Кишиневѣ въ Новомъ театрѣ, передѣланномъ изъ цирка открыли сезонъ малороссы подѣ управленiемъ Левицкаго. Сборъ и приемъ хороши.

„Н. Н. Фигнеръ въ интервалѣ la и si bemol“.

(Шаржъ).

Въ Ростовѣ-на-Дону съ 27 іюня въ лѣтнемъ театрѣ Машонкина—малороссы подѣ управленіемъ Льва Сабанина. Въ началѣ дѣла неважная. Лучшій сборъ дала пьеса „Кума Марта“.

Въ „Артистическомъ Обществѣ“ подѣ режиссерствомъ артиста Маврина „образцовый“ репертуаръ: „Воровка дѣтей“, „20 лѣтъ тюремнаго заключенія“ и т. п.

Еврейская труппа закончила дѣло скандаломъ. Последній спектакль кончился въ 3 часа ночи. „Пріазовскій Край“ рассказываетъ:

„Артисты не хотѣли играть, пока имъ не заплатятъ, музыканты не отставали отъ нихъ, рабочіе не хотѣли поднѣять занавѣсъ и пр. Кассу осадили кредиторы, кассиръ же, продавая билеты, обращалъ вырученныя деньги въ свою пользу, такъ какъ ему тоже не заплатили. Наконецъ, въ дѣло вмѣшалась публика, кассиръ былъ устраненъ и за кассу сѣлъ *выборный изъ публики*. Послѣ долгихъ споровъ и криковъ кое-какъ удалось уговорить артистовъ и музыкантовъ начать спектакль.“

Въ Ставрополѣ. Вслѣдъ за „гастролями“ г. Горина-Горянова, выступавшаго въ „Троглодитѣ“, „Ворѣ“ и въ трилогіи кн. Барятинскаго, объявлены „гастроли“ П. М. Арнольди.

Въ Саратовѣ въ Общедоступномъ театрѣ репертуаръ самый драматическій: „Обреченные“, „Шахта Георгій“, „Гибель Содома“, „Судебная ошибка“, „Безстрашная“, „Отравленная совесть“, „Лѣсной бродяга“ и „Слушай Израиль“.

У Очкина — тоже драма. Антреприза Кручинина. Начали „Весеннимъ потокомъ“. Прошли „Трудъ и капиталъ“, „Шкваль“, „Новая жизнь“. Успѣхомъ пользуется г. Бѣлгородскій, Яковлевъ-Востоковъ. Мѣстная пресса недовольна ансамблемъ, въ особенности женскимъ персоналомъ, и режиссерской постановкой.

Въ Тифлисѣ. Въ циркѣ Никитиныхъ гастролитруетъ фарсъ—антреприза Симанова.

Въ Харьковѣ. Труппа малороссовъ (г. Суходольскій) пользуется успѣхомъ въ художественномъ и матеріальномъ отношеніи.

Дѣла оперетки въ „Буффѣ“ тоже поднимаются. Тутъ замѣчается метаморфоза. Оперные пѣвцы задѣлались опереточными, а кафе-шантанная пѣвица Тамаръ-Грузинская—опереточной дивой и дебютировала въ „Цыганскихъ пѣсняхъ“ Сѣверскаго.

Музыкальная мозаика „Цыганская Травіата“, вышитая по канвѣ „Дамы съ камеліями“, имѣла успѣхъ у публики“.

— II. —

Новыя изданія „Театра и Искусства“.

„Воръ“, въ 3 д. Анри Бернштейна, пер. съ француз. М. Потапенко (Литографія). Пьеса Бернштейна, составлявшая „гвоздь“ парижскаго сезона и обошедшая всѣ германскія сцены, включена также въ репертуаръ нѣкоторыми русскими артистками, напримѣръ, г-жей Яворской. „Воръ“ — пьеса, интриги: въ этомъ ея театральное достоинство. Бернштейнъ — авторъ „Вихря“ — мастеръ сцены. Діалогъ его блестящій и отточенный, и успѣхъ пьесы понятъ нетрудно. Вниманіе зрителя все время напряжено. Тутъ есть сыщикъ, выслѣживающій преступленіе à la Холмсъ, но безъ его успѣха, эффектная любовная сцена и драматическія коллизіи. Мораль пьесы очень сомнительная съ нашей точки зрѣнія, но за сценичностью зритель не успѣваетъ присмотрѣться къ дефектамъ морали и психологіи.

Роль 6. Молодая героиня (Мари-Луиза). Роль, требующая исключительной страстности, женственности, прекрасныхъ туалетовъ. Роль бенефисная и гастрольная. Герой — фатъ Ришаръ, центральная роль, какъ и женская. *Весь второй актъ построенъ на діалогѣ Мари-Луизы и Ришара (только двое все время на сценѣ) и напоминаетъ отчасти въ смыслѣ драматическаго нарастанія 3 актъ „Цѣны жизни“. Молодой любовникъ (18 лѣтъ) Фернандъ. Роль любовника *rig saug*. Для актера, имѣющаго данныя для этихъ ролей, — очень благодарна. Гондуэнъ — сыщикъ — характерная роль для пожилого актера. Раймондъ — салонный резонеръ; требуется мѣстами чувство. Изабелла — роль вторая, но недурная. Требуются туалеты.

Декораціи — три павильона. Возможно обойтись двумя, играя первый и третій актъ въ одной декораціи.

Дѣйствія (особенно первое) — велики. Возможны значительныя купюры и сведеніе ролей. Темпъ, въ которомъ пьесу надлежитъ играть, замедленный въ началѣ 1 и 2 актовъ, долженъ ускоряться къ концу ихъ.

Реквизитъ и бутафорія самыя несложныя. Для успѣха главнѣйшее — твердое знаніе ролей.

„Идеальный мужъ“. Оскара Уайльда.

Женскія роли: — миссисъ Чевелей — сильно драматическая роль, которая позволяетъ артисткѣ проявить всѣ стороны своего дарованія — отъ изящнаго, салоннаго кокетства, до глубокихъ нотъ трагизма. Ей присуща нѣкоторая доля демонизма,

и блестящая діалектика. Леди Чилтернъ, благородный характеръ, горячій, требуетъ отъ артистки сильнаго душевнаго подъема въ драматическихъ мѣстахъ, а также кроткой нѣжности и ласки. Миссъ Мизель Чилтернъ — роль энженио; у ней благодарныя сцены, которыя могутъ быть использованы съ большимъ сценическимъ эффектомъ. Роли остальныхъ женщинъ „монденокъ“, изящны, забавны, точно также даютъ хорошій матеріалъ; особенно интересна роль миссисъ Маркби, остроумной пожилой леди; при успѣшномъ исполненіи — эта личность несомнѣнно привлечетъ вниманіе зрительнаго зала.

Главная мужская роль — сѣра Роберта Чилтерна — требуетъ артиста съ сильнымъ темпераментомъ. Роль бенефисная и даже гастрольная. Молодой лордъ Гарингъ, фатъ и резонеръ, въ каждой фразѣ своей роли таитъ юморъ, вызывающій здоровый смѣхъ. Его отецъ лордъ Кавершамъ — типъ англичанина-аристократа — особенно хорошъ въ сценахъ съ сыномъ — живое лицо, прекрасно очерченное.

Пьеса „Идеальный мужъ“, интересная по фабулѣ, заключаетъ въ себѣ и политическое значеніе.

Провихціальная лѣтопись.

ТАШКЕНТЪ. 24 іюля закончила свои гастроли драматическая труппа З. А. Малиновской и А. В. Полонскаго, прогостивъ у насъ ровно два мѣсяца. Не смотря на то, что составъ труппы былъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ предыдущіе пріѣзды, нельзя сказать, чтобы дирекція могла жаловаться на плохіе сборы: за два мѣсяца было сыграно 50 спектаклей, и валового сбора взято 24,000 руб.

Составъ былъ слѣдующій: г-жи Чарусская, Токарева, Можанская, Поль, Барятинская, Говардовская, Остроградская, Казакова, Трубецкая, Вертель, Нинина-Михайловская, гг. Бостуновъ, Вересановъ, Боуръ, Двинскій, Любинъ, Михаленко, Кочетковъ, Бернадскій, Трубецкой, Арди, Доринъ и Казаковъ. Режиссировалъ г. Боуръ. Кромѣ того, выступилъ первымъ дебютомъ мѣстный любитель г. Ремезовъ, заключившій, какъ говорятъ, контрактъ съ З. А. Малиновской на зимній сезонъ, и выдѣлявшійся въ нашемъ любительскомъ кружкѣ своимъ дарованіемъ на роляхъ любовниковъ.

Изъ артистовъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались не первый разъ пріѣзжающая къ намъ Е. В. Чарусская, уже бывшій у насъ А. П. Двинскій и В. Л. Вересановъ.

Э. Д. Бостуновъ, артистъ Петербургскаго Художественнаго театра, особеннымъ успѣхомъ не пользовался, также какъ и режиссеръ труппы Э. Ф. Боуръ.

Репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: „Среди цвѣтовъ“ Зудермана, „Казнь“ Ге, „Трильби“ его же, „Каинъ“ Дымова, „Пыль райскаго дерева“ Маршала, „Еврей“ Чирикова, „Безумная Юлька“ Киселевскаго, „Волшебная сказка“ Потапенко, „Шерлокъ Хольмсъ“ Протопопова, „Новый міръ“ Баретта, „Хаосъ“ Жуковской, „Золотыя оковы“ Бріе, „Коломба“ Эриха Карно, „Губернская Клеопатра“ Туношенскаго, „Коварство и Любовь“ Шиллера, „Благо народа“ Герцеля, „Дорога въ адъ“ Гальдербурга, „Въ городѣ“ Юшкевича, „Стѣны“ Найденова, „Макбетъ“ Шекспира, „Полу-дѣвы“ Прево, „Желанный и неожиданный“ Рышкова, „Вѣчная любовь“ Фабера, „День изъ жизни покойника“ Шевлякова, „Марьяни“ — продолженіе Шерлока Хольмса, „Жизнь человѣка“ и П. Андреева, „Клоунъ“ Куприна, „Мадемуазель Жозетта“ (бенефисъ Е. В. Чаруской), „Два сиротки“, „Кинъ“ Дюма (бенефисъ А. П. Двинскаго), „Петръ Великій“, „Склепъ“ Рышкова, „Воръ“ Мирбо, „Варвары“ Горькаго (бенефисъ А. В. Вересанова), „Спаситель“ Филиппи (бенефисъ Можанской), „Струензе“ М. Бера (бенефисъ декоратора Кальмансона), „Тысяча одна ночь“ Драхмана (бенефисъ Э. Д. Бостунова), „Слушай Израиль“ Дымова, „Брачныя мостки“ (бенефисъ З. А. Малиновской), „Вечерняя зоря“ Вейерлейна (бенефисъ Е. Ф. Боура), „Влуджающіе огни“ (бенефисъ Л. Р. Поль), „Карикатура жизни“ Киселевскаго (бенефисъ Двинскаго) и прощальный сборный спектакль изъ „Вопросовъ чести“ Ге, „Король ногъ“ и „Кавказскія ночи“, второй актъ изъ „Лѣса“ и „Домашній столъ“ Мясницкаго.

Большее всего сбора слѣдала „Жизнь человѣка“. Большую роль здѣсь сыграли „Туркестанскія Вѣдомости“, которыя ужъ очень старались, чтобы эта пьеса не была поставлена. Этимъ газета только заинтересовала публику.

Теперь труппа З. А. Малиновской въ полномъ составѣ перѣѣхала въ Кокандъ, гдѣ ей будетъ дано 5 спектаклей. Затѣмъ труппа подѣ дирекціей Двинскаго безъ Е. В. Чаруской и А. В. Полонскаго предполагаетъ совершить артистическое турнѣ по городамъ Закаспійской области.

Къ намъ же на смѣну ѣдетъ италянская опера Гонсалеца изъ Оренбурга, пользовавшаяся тамъ большимъ успѣхомъ.

Иванъ Мироновичъ.

КАЗАНЬ. По окончаніи зимнаго сезона, товарищество подъ упр. Боуэръ-Большакова, съ небольшими измѣненіями въ составѣ артистовъ, играли весь постъ, Пасху и Ошину недѣлю и сдѣлало блестящія дѣла отчасти по сборамъ, и отчасти благодаря очень льготнымъ условіямъ, на которыхъ т-во получило театръ отъ Н. И. Соболевцова-Самарина. Въ маѣ, двери театра были снова открыты гастрольной труппой г. Янова, поставившаго два раза „Богъ мести“ и взявшаго два хорошихъ сбора, особенно первый. Хотѣли поставить „Жизнь человѣка“, но... афиша не была подписана. Затѣмъ побывалъ два раза К. А. Варламовъ, въ первый приѣздъ въ Городскомъ, а затѣмъ въ театрѣ сада (Панаева, оба приѣзда, не смотря на заграничный репертуаръ „По кривой дорогѣ впередъ не видать“, „Правда хорошо, а счастье лучше“, „Не въ свои сани не садись“ и т. п.) и не особенно блестящій антуражъ, сборы были переполненные. Со она открытія театра и сада Панаева, въ закрытомъ подвизалась труппа „Фарсъ“, антреприза Н. Н. Стоянова. Труппа составлена неумѣло, фарсы шли слабо и въ концѣ-концовъ 14 іюня закончилось все очень печально, многие артисты еще недополучили, многие разбѣжались, а нѣкоторые сидятъ въ ожиданіи общаній Г. Стоянова, во что-бы то ни стало достать денегъ и вести часть въ Воронежъ и часть въ Нижній на ярмарку, на какой-то плавающий театръ на баркѣ. Дай-то Богъ, хоть на барку! Послѣ краха г. Стоянова, театрѣ перешелъ въ вѣдѣніе А. В. Шабельскаго, подъ режиссерствомъ котораго идутъ легкія комедіи и нескатые фарсы, и сборы замѣтно повысились.

На открытой сценѣ шантанъ съ цѣлой кучей русскихъ и иностранныхъ этюдовъ. Есть еще садъ „Аркадія“ (за городомъ). Тамъ-же подвизается оперетно-фарсовая труппа подъ упр. г. Васильева. И еще есть новый садъ „Эрмитажъ“, культивирующей почти исключительно шансонетку. Три сада для Казани, пожалуй и много; публика разбилась и наполняетъ сады только въ праздники, при чемъ болѣе счастливые въ этомъ отношеніи „Садъ Панаева“ и „Аркадія“, и то въ хорошую погоду.

ВЛАДИВОСТОКЪ. Театровъ дѣйствующихъ во Владивостоцѣ два.

Театръ въ домѣ Галецкаго, антреприза И. К. Арнольдова. Платитъ за театръ съ электрическимъ освѣщеніемъ 35/т. р. въ годъ. Труппа фарсъ. Труппа играетъ съ 1-го мая с. г. Шли слѣдующія пьесы по 1-е іюня: „Контролеръ спальныхъ вагоновъ“ сборъ 516 р. 75 к., „Дама отъ Максима“ 334 р. 68 к., „Приключеніе“ 175 р. 30 к., „Рогоносцы“ 260 р. 86 к., 146 р. 42 к., „Дама изъ Кафе Шантана“ 118 р. 28 к., „Красная Мантія“ 539 р. 54 к., „Рогоносцы“ 453 р. 67 к., „Господины Бюрократъ“ 148 р. 63 к., „Первая ночь“ 824 р. 66 к., 284 р. 45 к., „Наши жены“ 197 р. 75 к., „Герой цирка“ 127 р. 68 к., „Образцовый мужъ“ 382 р. 79 к., „Нана“ 705 р. 41 к., „Въ интересномъ положеніи“ 298 р. 88 к., „Ну-ка покажите что у Васъ есть“ 763 р. 84 к., 736 р. 66 к., 609 р. 66 к., „80 ночей въ полусвѣтѣ“ 284 р. 45 к., „Трудъ и капиталъ“ 698 р. 51 к., 1095 р. 75 к., „Подъ звуки Шопена“ 315 р. 62 к., 239 р. 60 к., „Морскія ванны“ 381 р. 43 к., „Депутатъ гор. Сенгилея“ 228 р. 40 к., „Генеральша Матрена“ 442 р. 86 к., „Исторія одной революціи“ 648 р. 41 к., „Ночь любви и приключеній“ 464 р. 67 к., „Усиленная охрана“ 451 р. 03 к. Заслуженной любовью публики пользуются Г-жа Варина и гг. Арнольдовъ, Дубровинъ, Буйновъ, Каренинъ и Цвѣленевъ.

На 20-е іюня анонсирована „Жизнь человѣка“, на которую затрачено около 2000 руб.

Второй театръ—театръ-циркъ бывшій Боровскаго, нынѣ Боровикса, антреприза Л. З. Крижевской. Оперетка, составъ труппы: г-жи Миртова, Вертоллетти, Гамалей, Деметьева и др. гг. Александровскій, Шелиховъ, Германъ-Гончаровъ и др. Ввиду исправленія улицъ и страшнаго неудобства въ отношеніи подѣзда къ театру разсчитывать на сборы не представляется возможнымъ. 17-го іюня въ театрѣ Арнольдова былъ концертъ Морского. Сбору было 2100 руб., но успѣха артисты не имѣли. Второй концертъ, назначенный г. Морскимъ на 19-е іюня, отмененъ.

Есть у насъ еще третій театръ подъ названіемъ Тихій Океанъ, принадлежащій г. Циммерману, но за неимѣніемъ у него антрепренера играютъ пока въ немъ любители.

МАЙНОПЪ. Прибывшая на лѣтній сезонъ труппа В. В. Островскаго въ 20-ыхъ числахъ іюня распалась надвое.

Одна группа прекращаетъ совершенно дѣла, другая-продолжаетъ работу подъ фирмой „Товарищество“. Обстоятельства дѣла таковы:

Не смотря на то, что г. Островскій платилъ жалованіе аккуратно, нѣкоторые обратились въ полицейское управленіе съ просьбой истребовать отъ антрепренера сумму, обеспечивающую труппу на мѣсяцъ. Дѣлалось это отъ лица всей труппы, а между тѣмъ объ этомъ не знало большинство.

Видя недовѣріе со стороны товарищей, г. Островскій предложилъ труппѣ получить содержаніе за 1/2 мѣсяца и заявилъ, что считаетъ для себя, какъ антрепренера, дѣло оконченнымъ.

Сознавая безвыходность своего положенія, труппа рѣшила учредить товарищество, исключивъ совершенно Островскаго.

Гг. Осеневъ, Лельскій и Аркунинъ заявили, что безъ Островскаго они не состоятъ въ товариществѣ, объясняя это тѣмъ, что нельзя оскорблять человѣка и безъ того уже не заслуженно оскорбленнаго. Г-жа Коллэнъ и г. Соколовъ, на предложеніе явиться для обсужденія этого вопроса, заявили, что они согласны съ мнѣніемъ большинства.

По просьбѣ самого Островскаго рѣшено было оставить его въ товариществѣ рядовымъ актеромъ.

На другой день является Коллэнъ и Соколовъ и заявляютъ, что они не могутъ работать вмѣстѣ съ Островскимъ.

Новымъ товариществомъ руководитъ г. Базаровъ и инженеръ Пигровъ. Дѣла идутъ очень плохо, да и не мудрено — въ труппѣ совершенно нѣтъ артистовъ. *В. О. Курдюмовъ.*

ГЛУХОВЪ. На-дняхъ закончились спектакли драматической труппы А. Ф. Нарбутъ и М. С. Борина.

Послѣ полутрамбаснаго существованія дѣло прекратилось среди сезона.

Причинами этого печальнаго событія являются ужасныя условія, при которыхъ приходилось работать и антрепренеру и артистамъ. Во-первыхъ—независимая отъ антрепризы обстоятельства, во-вторыхъ полное равнодушіе интеллигентной публики, которая совсѣмъ не посѣщала театръ, и сборы были очень плохіе.

Благодаря этому въ труппѣ начались раздоры. Антрепренеръ заявилъ, что при такихъ условіяхъ онъ не можетъ дальше вести дѣло и прекращаетъ его. Г. Боринъ тогда же уплатилъ всѣмъ артистамъ половину неустойки и далъ письменное обязательство выплатить остальную часть долга къ концу іюня.

Въ теченіе 1 1/2 мѣс. было поставлено 22 спектакля и взято валового сбора 1827 р. 21 к. (съ 22 апр. по 22 м.—1242 р. 64 к., съ 22 м. по 9 іюня 584 р. 57 к.).

Съ наибольшимъ успѣхомъ были исполнены слѣдующія пьесы: „Идиотъ“, „Трильби“, „На днѣ“, „Искушеніе“, „Слушай Израиль“, „Педагоги“ и др. При постановкѣ пьесъ всегда чувствовалась работа режиссера. Изъ очередныхъ режиссеровъ особенно старательно и вдумчиво относился къ дѣлу г. Южный.

Труппа состояла изъ 18 лицъ: г-жи Балущая, Добротворская, Дюбюк, Лавровская, Ларина, Нарбутъ, Петина, Симановская, гг. Агѣвъ, Боринъ, Голубинскій, Задонцевъ, Ненаевъ, Полтавцевъ, Пономаревъ, Строгановъ, Южный, Козловъ (дек.), Янкевичъ (реквизит.), Курляндскій и Любимовъ (билетеры). При чемъ еще въ началѣ сезона изъ труппы вышли г-жа Балущая и г. Козловъ. Наибольшимъ успѣхомъ у публики пользовались Т. И. Ларина и М. С. Боринъ.

Михаилъ Каллистовъ.

ОЕОДОСИЯ. За истекшіе два мѣсяца во вновь выстроенномъ въ центрѣ города театрѣ-циркѣ и лѣтнемъ театрѣ состоялось около 50-ти спектаклей со средней цифрой на кругъ свыше 450 руб. Лучшіе сборы сдѣлала В. О. Коммиссаржевская („Нора“ и „Огни Ивановой ночи“), большіе сборы сдѣлали оперныя труппы Н. Н. Боголюбова и А. Эйхенвальда, П. Н. Орленевъ, Н. Н. Фигнеръ.

Въ самое послѣднее время драматическая труппа М. И. Чернова, при участіи г-жи Черновской и И. М. Петина, ознакомила еоодосійскую публику съ новинками (для Оеодосіи!): „Слушай Израиль“ Ос. Дымова, „Жизнь человѣка“ Л. Андреева, „Среди цвѣтовъ“ Зудермана и „Богъ мести“ Шаломъ Аша. Сборами труппа похвастаться не можетъ.

Въ лѣтнемъ театрѣ по обыкновенію малороссы (С. А. Глазуненко) съ хорошимъ хоромъ, оркестромъ и гастролерами г. Пекарской и Бѣляевой, сборы слабые. *В. Г.—нѣ.*

МЕЛИТОПОЛЬ. Товарищество „Новой драмы“ подъ распорядительствомъ Е. Берже, закончила свои спектакли, пьесой „Вечерняя зоря“, которая шла въ бенефисъ Э. Э. Берже. Труппа пользовалась успѣхомъ. Выдѣлялись г-жи Болычевцева, Ларская, Лярова и гг. Берже, Ростовскій, Муромскій и Летковский. Въ матеріальномъ отношеніи товарищество также имѣло успѣхъ. За 27 спектаклей взято болѣе 4,000 рублей.

Отсюда товарищество уѣхало въ Никополь. По дорогѣ изъ Мелитополя въ Никополь заболѣлъ и скоропостижно скончался молодой актеръ Кондратовичъ.

Приѣхалъ П. И. Орленевъ съ труппой на 4 спектакля: „Привидѣніе“, „Братья Карамазовы“ и „Брандъ“, раздѣленный на 2 вечера. Взявшій билеты на оба первые спектакля сразу, пользуется правомъ смотрѣть „Брандъ“ бесплатно. Во всякомъ случаѣ это ново!.

В. Я. Шульманъ.

ТОРОПЕЦЪ (Пск. губ.). Лѣтній сезонъ. Составъ труппы: М. Н. Бронскій, Н. В. Когинъ, Л. М. Лилина, И. А. Самбу-ровъ, В. П. Шелонина, П. Г. Смирновъ, П. В. Соболевъ, Р. С. Суворина, режиссеръ В. М. Мячковъ, пом. режиссера Соболевъ. Сезонъ открылся 15-го іюня комедіей „Въ бѣгахъ“ затѣмъ были поставлены: „Золотая рыбка“, „Безчестными не рождаются“, „Слушай Израиль“, „Юбилей“, „Золотое Руно“, „День изъ жизни покойника“: спектакли ставятся три раза въ недѣлю. *Самбуровъ.*

ГРИМЕРЪ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПАРИКМАХЕРЪ

52—38

Народнаго Дома Императора Николая II и всѣхъ Почетнѣйшихъ театровъ о народной труппѣ, а также лѣтняго и зимняго театра „Буффъ“, театра „Пасажъ“, театра „Фаросъ“ Гумналова, театра „Фаросъ“ Казанскаго, Спб. Зоогеогическаго сада и театра „Антей“ и проч. театровъ театровъ.

Получилъ отъ Императора Николая II Почетный дипломъ и медаль.

Работалъ до провинціальнаго театральнаго мастера отъ полнаго гардероба париковъ.

Выскажу въ провинцію налож. платаж. всевозможные парики и бороды всѣхъ вѣстовъ и характеровъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

12 тысячъ париковъ.

Гоннадій Александровъ.

Дрейсъ-курантъ бесплатно.

Магазинъ, мастерская и контора:
Кроковскій № 61.

Новая пьеса „СЫЩИКЪ ЛЕКОКЪ“

въ 5 д. Ю. Ал-Рашид

Поступила въ продажу.

Рукоп. экз. (цензур.) 6 руб.

Получать въ ред. Театръ и Искусство“
и въ Москвѣ у Ракошина. 3—3

ДАМСКІЕ НАРЯДЫ,

Подныя платья, костюмы, верх. вещи,
мѣх. Вѣлы. Стрѣны, кружева.

ПОКУПАЮ, ПРОДАЮ.

Москва, Тверская, Коммун. д. Ватурина,
подъездъ 2. 52—37

„Заколдованный кругъ“

Драматическая сказка въ 5 дѣйств. Риделя.
Переводъ Н. И. Самойло. Ц. 2 р. Одобрена
для представлений на сценахъ Императорскихъ
театровъ. 2—1

Петербургская театральная библиотека

В. К. ТРАВСКАГО.

(Театр. площ. 6, Т. 243—01).

Продажа и прокатъ нотъ.

Оперы и оперетты.

Весь новый и старый репертуаръ.

Послѣднія новыя оперетты:

„Подъ звуки вальса“ („Въ грезахъ вальса“)

60 р. „Веселый нахлебникъ“ 60 р. „Кре-

дитъ“ 60 р. „Веселый вдовецъ“ 75 р. „Во-

селая вдова“ 40 р.

„Тайны нашего города“ (обозрѣніе) 40 р. „Шер-

локъ Холмскъ“ (оперетка-обозрѣніе) 40 р.

Оперы: „Тансъ“, „Бронзовый конь“, „Брать

по неволѣ“, „Хризантема“, „Свѣ. Завѣда“

„Эскадронда“, „Меосалима“, „Неполитъ“

„Карнавалъ“, „Сказки Гофмана“.

Вѣлыка налож. плат. (полноценная заплата).

ОПЕРЕТКИ.

(Цензур. пьеса, текст. клавиръ и ор-
кестровка).

„И страстный, и томный... (вальсъ)“.

Оскара Штрауса.—40 р. „Торреадоръ“—

50 р. „Веселая вдова“ (въ качеляхъ)—

40 р. „Ласочка“—40 р. „Краса вен-

герца“—50 р. „Подъ усиленной огра-

дой“—50 р. „Американскій солов-

ей“—50 р. „Дама отъ Максима“—30 р.

О требованіяхъ обращаться:

Москва, Тверская, д. Кирова, 77.

Библиотекарь Вит. Ив. Соболевъ.

При заказѣ половина суммъ задат-

комъ. 26—2

Главная контора книжно-газетныхъ
мисковъ и афишныхъ колоннъ

В. А. ПТАШНИКОВА

помѣщается

на Почтамтской ул. д. № 10.

Телефонъ № 16—92.

Пріемъ афишъ, объявленій, плакатовъ,
рекламъ, анонсовъ и проч.

на афишныя колонны и газетные

кіоски, а также на ЗАВОРЫ перестран-

вающихся МОСТОВЪ: Полицейскаго,

Введенскаго, Аларчина, Панте-

леймонскаго, Михайловскаго и

Аничкова.

Пріемъ всякаго рода объявленій на вой

станціи ОПВ. Прімерской Сеотрорѣйской

жел. дор. и внутри вагоновъ.

КАЖДАЯ ЖЕНЩИНА

можетъ сдѣлаться красивой и надолго
сохранить свою красоту.

Удивительный по своимъ качествамъ „Кремъ Ренессансъ“ (De la Reine),
мгновенно завоевавшій шумный успѣхъ и всемірную славу,

НЕОБХОДИМЪ ДЛЯ АРТИСТОВЪ,

т. к. онъ успокаиваетъ кожу, раздраженную и испорченную гримомъ, о чемъ имѣется
множество отзывовъ, изъ числа которыхъ приводимъ слѣдующіе:

Т-ву „Ренессансъ“.

Вашъ кремъ принесетъ пользу всѣмъ, кто будетъ пользоваться имъ.

С.-Петербургъ 5 апрѣля 1907 г.

Л. Яворская (Артистка, по мужу Княгиня Барятинская).

Т-ву „Ренессансъ“.

Употребляя Вашъ кремъ послѣ гримировки, я пришелъ къ убѣжденію, что это есть одинъ изъ
лучшихъ препаратовъ, прекрасно успокаивающій раздраженную гримомъ кожу. Гримъ хорошо счи-
щается кремомъ, и кожа лица очищается несравненно лучше, нежели всѣми сильными веществами,
употребляемыми въ данномъ случаѣ.

Благодарю за присылку. Актеръ Н. Заринъ.

Москва, 26 февраля 1907 г.

За 14 коп. (можно марками) Вы получите отъ насъ: 1) изящную книжку, въ которой рѣшены всѣ
вопросы, волнующіе каждую женщину, изложены исторія „Крема Ренессансъ“, способы его примѣненія
и руководство къ вѣчной красотѣ; 2) брошюру съ хвалебными и благодарственными письмами мужчинъ
и женщинъ, убѣдившихся въ поразительномъ дѣйствіи „Крема Ренессансъ“ и одновременно съ ними
совершенно бесплатно

пробную дозу „Крема Ренессансъ“.

Корреспонденцію адресовать: С.-Петербургъ, Владимірскій просп., д. Дидерихса № 8—21, Т-ву „Ренессансъ“.

РОЯЛИ ПИАНИНО

К. М. Шредеръ

С.-Петербургъ.—Невскій, 52, уг. Садовой.

С. А. СВѢТЛОВЪ

драматич. актеръ и режиссеръ вслѣд-
ствіе краха антрепризы въ Оверкахъ
свободенъ и предлагаетъ свои услуги
на дѣлѣ мѣсяца.

Адресъ: Редакція „Театръ и Искусство“
С. А. Свѣтлову. 2—2

СУФЛЕРЪ

своб. августъ мѣсяцъ предл. услуги. Адр.:
Прилуки (Полт. г.), театр, суфлеру Н. К.

Антрепренерамъ и основательнымъ
драматическимъ кружкамъ предлагаетъ
артисты театральные костюмы, библиотеку,
обстановку и свои услуги въ качествѣ ре-
жиссера. Адресъ: Таганрогъ, Петровская ул.,
д. Антонова (противъ Городского театра)
Т. А. Демидовой. 1—1

Взвѣс. довол. и для нарох. театр. (Привит.
Вѣст. 1907 г. № 130)

пьесы Николая Ф. Дингельштедтъ:

Баскервильская тайна (Собана-дьяволъ),
драма въ 5 д. и въ приключ. Шерлока
Холмса 13 ролей, но достаточно и 9
исполнит.

Сынъ-вѣдьмы (Демоніо), фантаст. др. въ 5 д.

Цѣна за обѣ иллюстриров. пьесы 60 к.

Спб. Редакція журн. „Театръ и Искусство“
и у автора (безъ доп. за перес.) Грече-
вскій просп., 15, кв. 34.

Курская Городская Управа

симъ объявляетъ, что съ 1 Января 1908 года въ г. Курскѣ
будетъ сдаваться въ аренду Городской садъ съ лѣтнимъ
театромъ при немъ и другими постройками. Желашіе арен-
довать таковой за справками объ условіяхъ аренды благо-
волятъ обращаться въ Курскую Городскую Управу.

3—3

Слабыя въ развитіи или въ ученіи оставшія дѣти, а также малокровныя, себѣ слабо
чувствующіе и нервные, переутомившіяся, легко раздражающіеся взрослые всякаго воз-
раста употребляютъ, какъ укрѣпляющее средство, съ большимъ успѣхомъ

Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ.

Аппетитъ увеличивается, душевныя и тѣлесныя силы повышаются, вся нервная
система усиливается.

Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Требуйте только настоящій Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ и не допускайте наивысшая
себѣ поддѣлокъ.

50 к.

1 р.

„Строители жизни“ „Глушь“

пьесы Ф. Н. Фальковского

продаются въ конторѣ журнала „Театръ и
Искусство“ Можно получить дефектные
экземпляры „Строители жизни“, въ 50
ролей, по 25 коп. за роль.

Новая пьеса

„Драма женщины“.

Въ 3 дѣйст. Соч. П. Вагнера

Можно получить въ Библиотекѣ М. А.
Соколовой въ Москвѣ. 1—1

Требуйте

Цвѣточный О-де-колонъ

„Вера-Віолетта“

Товарищества

„ГИГИЕНА“

въ С.-Петербургѣ.

Лиговская ул., д. № 123.

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 8.

Телефонъ № 3561.

РОЯЛИ. * ПИАНИНО.

Высшая награда 1896.

Высшая награда 1900.

Высшая награда 1904.

